

6 (128)

АПРЕЛЬ
2011

ИЗДАНИЕ
ПРЕОБРАЖЕНСКОГО
СОДРУЖЕСТВА
МАЛЫХ
ПРАВОСЛАВНЫХ
БРАТСТВ

в газете использованы
материалы сайтов sf.ru и psmb.ru
электронная версия газеты
gazetakifa.ru

ДА ВОСКРЕСНЕТ БОГ В НАШИХ СЕРДЦАХ!

Пасхальное послание Святейшего патриарха Московского и всея Руси Кирилла

ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ!

Из года в год этим пасхальным восклицанием Церковь свидетельствует о том событии вселенского значения, что произошло почти две тысячи лет тому назад. Тогда ранним утром жены-мироносицы пришли к месту погребения своего Учителя и увидели, что гроб пуст. Божественная сила Христа победила закон смерти. Он воскрес, свидетельствуя всему человечеству, что смерть — это не конец жизни, что смерть преодолевается силой Божией.

Воскресение Христово, будучи уникальным событием в истории мира, по замыслу Божию стало началом и нашего личного воскресения. Именно для того и пришел в мир Спаситель, пострадал, был распят и восстал от гроба, чтобы каждый имел возможность пройти через опыт воскресения из мертвых, и совсем не в переносном, а в прямом смысле этого слова. Об этом ясно говорит апостол Павел: «Бог... воскресит и нас силою Своею» (1 Кор. 6:14).

Вот почему праздник Пасхи есть праздник победы жизни над смертью, ибо Воскресением Христа Спасителя воскресение из мертвых даровано и всем нам. И через какие бы трудные обстоятельства земного бытия мы ни проходили, какие бы испытания нас ни постигали, какими бы страданиями нас ни пугали те, кто пытается, не имея духовной силы, прозревать будущее, наше восприятие мира должно быть спокойным и радостным, ибо Христос воскрес!

Через Воскресение Христово верующий человек обретает возможность приобщиться к ниспосылаемой свыше благодатной силе, дабы жить по правде и заповедям Божиим: быть добрым и милосердным, честным и благожелательным в отношениях с людьми, способным разделять с ними и радость, и горе.

Это христианское отношение к ближним включает в себя также и заботу о своей стране, о своем народе, о своей семье, о доме. Быть хранителями духовных сокровищ

Воскресение Христова (архимандрит Зинон)

и традиций Православия означает активно преображать себя, свой внутренний мир, а также поддерживать красоту и гармонию окружающего нас мира и устроить их там, где они разрушены злой человеческой волей. Таково призвание и такова ответственность христианина.

Господь не требует от нас непосильных подвигов. Обращаясь к душе каждого человека, Он вновь и вновь взывает: «Придите ко Мне все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас; возьмите иго Мое на себя и научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем, и найдете покой душам вашим; ибо иго Мое благо, и бремя Мое легко» (Мф. 11:28-30). Чтобы почувствовать и понять, насколько благо и легко то бремя, которое возлагает на нас Господь, нужно научиться делать добро и ближним, и дальним. В этом учении трудны лишь первые шаги: во-время ос-

тановиться и не отвечать на грубость грубостью, на зло злом, на ложь ложью, на осуждение осуждением.

«Да воскреснет Бог и расточатся врази Его!» — восклицаем мы в эту светозарную ночь. Да воскреснет Бог в наших сердцах и да расточатся ложь, вражда, злоба, распри и всякие разделения в жизни нашей.

От души поздравляю всех вас, мои дорогие, с праздником Святой Пасхи. Помощь и благословение воистину Воскресшего Господа да сопутствуют каждому из нас в наших дальнейших трудах во славу Церкви, на пользу стран, в которых мы живем, на благо ближних и дальних. Аминь.

**КИРИЛЛ, ПАТРИАРХ
МОСКОВСКИЙ И ВСЕЯ РУСИ**
Пасха Христова 2011 года, Москва
Текст взят с незначительными сокращениями с сайта Патриархия.ru

ТОЛЬКО ЛЮБОВЬ И ВЕРА ИЗГОНЯЮТ СТРАХ

Слово свящ. Георгия Кочеткова на пасхальной Вечерне в Великую субботу

Во имя Отца и Сына и Святого Духа! Братья и сестры христиане, Христос воскрес!

Мы сейчас слышали, как Господь наш Иисус Христос явил Себя воскресшим ради учеников Своих, ради торжества Жизни, ради торжества Света! Мы слышали, как Он начал Свою проповедь словами «не страшитесь», т.е. ничего не бойтесь! Этот мир всегда устрашает, в нём самом, как известно, всегда скрыт некий потаённый ужас, который сидит в подкорке, в подсознании каждого человека и искушает его. Искушает страхами, искушает рабством у этих страхов... Страх порабощает человека, страх убивает в нём человеческое достоинство и веру. Человек боящийся не совершен в любви и вере.

Только любовь и вера изгоняют страх!

Господь укреплял в вере Своих учеников словами «радуйтесь» и «не страшитесь». Отсутствие страха всегда приводит человека к радости. Отчего наше время бывает таким унылым? Отчего печаль лежит на лицах многих и многих наших современников? Иногда даже христиане не могут освободиться от этого ужаса, если они озабочены совсем не тем, чем надо, если думают они не о Божеском, а о человеческом. «Не страшитесь!» — говорит всем нам Христос Воскресший. «Радуйтесь!» — говорит Он всем нам.

Конечно, дорогие братья и сестры, последние слова Иисуса в Евангелии от Матфея мы воспринимаем особенно

близко к сердцу. Это как бы завещание нашего Господа — Христа, пришедшего во Славе для учеников Своих после Воскресения. Господь им говорит о самом главном: что теперь, после Воскресения, вся власть земная и небесная в руках Христа. Конечно, князь мира сего, сатана, не хочет отдавать эту власть Христу, и начинается борьба, и эта борьба столь зрима, что происходит даже на наших глазах, каждый день, внутри нас и вокруг нас. Она будет идти до конца существования этого мира, до Второго Пришествия: на то и дана нам история, для того и дана нам Церковь, чтобы мы могли осуществить своё призвание в качестве воинов Христова Воинства!

Окончание на с. 2

В номере:

Совершенно разбойное нападение на православный институт

Может быть, этот случай напомнит, что что-то должно измениться? — считают участники обсуждения этого события в сети
С. 3

Дай Бог, чтобы участь «поставить последнюю точку» миновала нашу Церковь

Из выступлений участников круглого стола «Пойте Богу нашему, пойте все разумно». Возвращение Часослова мирянам». С. 4

Трагические поиски цельности мира

В Петербурге прошел круглый стол «Из глубины взываю к Тебе, Господи»: воскрешение внутреннего человека». С. 5

Человек, отказавшийся от служения, теряет себя

В сентябре пройдет конференция «Служение Богу и человеку в современном мире» С. 6

Среди остатков христианской культуры

В этом номере мы продолжаем публиковать интервью по теме конференции «Проблемы и критерии качества оглашения современных «слушающих»» С. 7

В приложении «Открытая встреча» — ответы на вопросы и интервью, посвященное итогам выставки Левитана в Третьяковской галерее

ТОЛЬКО ЛЮБОВЬ И ВЕРА ИЗГОНЯЮТ СТРАХ

Окончание. Начало на с. 1

«Дана Мне всякая власть на небе и на земле», — говорит Господь. Он Сам — носитель этой власти Любви, этой власти Жизни, этой власти Духа, этой Силы вышней! И поэтому Он имеет власть посылать Своих воинов туда, куда Он хочет, и ни один из нас не имеет права отказаться, независимо ни от чего! Помните, даже в Евангелии, ещё задолго до страстных дней, бывали случаи, когда отпращивались от служения апостолы и ученики: кому-то нужно было похоронить отца, кому-то требовалось устроить свои дела, и по-человечески это казалось убедительным. Но не по-Божески, потому что если Бог посылает человека на Своё дело, то отказаться значит предать, отказаться значит дезертировать, поддаться страху, снова свергнуться в рабство!

Господь говорит Своим ученикам: идите и сделайте Мне учениками все народы. Не разбирайте, кто перед вами: человек богатый или бедный, мужчина или женщина, молодой или старый, симпатичный или нет, большой или здоровый, умный или глупый, ученый или неученый. Не разбирайте, кто какого происхождения, у кого какая форма носа или разрез глаз. Не разбирайте! Идите и сделайте Христу учениками *все народы*, крестя их во имя Отца и Сына и Святого Духа, т.е. погружая их в великую силу Троиственного Божества, в великий дар Духа и Любви!

Господь при этом повелел нам учить их соблюдать всё, что Он заповедал. Он с нами во все дни до скончания века, поэтому и учить людей надо всегда, а значит, и учиться... Давно замечено, что Бог часто помогает людям и открывает им Себя через других людей. А мы часто про это забываем. Подходит к нам какая-нибудь старушка, или бывший пьяница, или ещё какой-нибудь странный для нас человек, и мы думаем: что может этот человек сказать нам, что он может для нас сделать? А на самом деле это ангел Божий, это вестник, которого Бог послал, чтобы нам помочь, чтобы открыть нам Его волю — вот в таком странном образе, но в образе живого, реального человека, носителя образа Божьего, живой иконы Бога!

Но часто бывает и так, дорогие братья и сестры, что, несмотря на всё наше окаянство, Господь посылает нас самих для помощи другим, и мы тоже часто в это не верим и этого не видим. Нам кажется: а что мы можем сделать? Разве мы пророки? Разве мы великие святые? У нас полно дел, болезней, немощей, грехов... Что мы можем сделать для Бога? Мы забываем, что мы воины Христовы, что у нас есть оружие и щит: у нас есть слово Божье, у нас есть великий опыт святых! Наше сердце расширено и может вместить Божье слово — и мы должны служить Христу, мы должны научать всех тому, что заповедал нам Господь! Мы не должны сомневаться, потому что Он с нами во все дни до скончания века, даже если мы совсем этого недостойны. Но если Бог нас избирает, значит, Он хочет сделать нас достойными, Он хочет через нас явить Свою славу, Он хочет укрепить нашу веру в Христа Воскресшего и в Его миссию для спасения и преображения всех людей и всего мира!

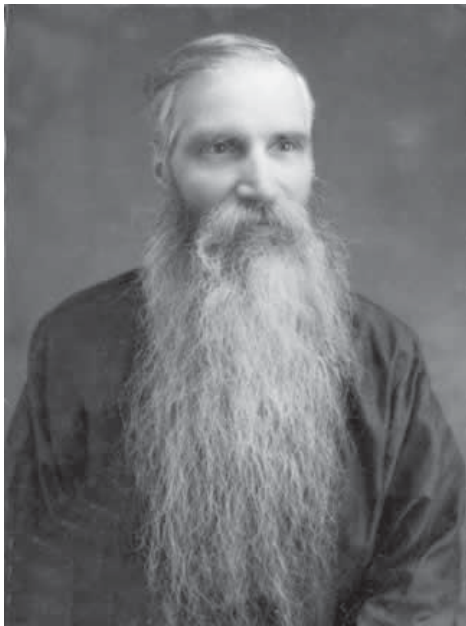
Аминь.

Христос воскрес!

Слово после отпуста

Дорогие братья и сестры, я поздравляю всех вас с наступившим праздником Пасхи Воскресной! Мы только что праздновали Пасху Крестную и старались вникнуть в тайну Креста, в тайну Смерти, в тайну Любви крестной. Но наша вера в Любовь — это вера и в Любовь воскресную. Креста нет без Воскресения, Воскресения нет без Креста! Будем же, дорогие братья и сестры, вмещать эту тайну Любви Божьей, всё более и более, насколько даёт нам Господь сил, насколько сами мы обладаем ныне ревностью о доме Божьем. А дом Божий — это все мы, это сердца, в которых живёт Дух Святой, Дух Любви и Жизни Вечной! Христос воскрес!

«Никакие обстоятельства не лишали меня ни Слова Божия, ни Молитвы, ни Чаши Христовой»

— Архимандрит Таврион — мой родной дядя, первый раз я его увидела в 1928 году, — рассказывает Ольга Васильевна Ласс, урожденная Батозская. — Времена были тяжелые, он пришел поздно вечером, очень красивый, молодой, хорошо разговаривал, у него был большой крест. Когда он приехал, меня разбудили, я встала, конечно, немножко его испугалась и сразу спряталась под стол. Он ко мне подошел, рассказал сказочку, подарил маленькую серебряную ложечку и крестик. Мне было пять лет, я его называла дядя Тиша. Всегда, когда он приезжал, дарил такие ценные подарки, которые долго служили, которые нельзя было просто забыть... Помню, что он уделил мне много времени, сказал, чтобы я его помнила и помнила, что он... Он меня благословил, и с его благословения, может быть, я вот уже 88 лет шагаю. Тяжело, но все еще живу.

Ольга Васильевна вместе с Александром Александровичем Алексахиним, вдовцом Ирины Васильевны, урожденной Батозской, младшей сестры Ольги Васильевны, участвовала 6 марта 2011 года в семинаре «Архимандрит Таврион (Батозский) — служитель возрождения церкви», прошедшем в рамках выставки «Неперемолотые. Опыт духовного сопротивления на Урале в XX веке», где о. Тавриону посвящен стенд, рассказывающий об основных этапах его жизни и служения. Семинар состоялся в Свято-Филаретовском православно-христианском институте.

Ольга Васильевна рассказала, что после той первой встречи в 1928 году в семье «дядю Тишу» очень долгое время не видели, но знали, что он был в ссылке.

— Мы встретились только в 1960 году. Тогда у меня умер папа, брат архимандрита Тавриона, Василий. И какими-то путями мама узнала, что дядя Тиша может приехать, — продолжила рассказ Ольга Васильевна. — Вместе с нами дядя Тиша поехал на кладбище, где очень хорошо отпели отца. А потом, когда его освободили, с 1970 года и до последних дней я его навещала почти что каждый год там, где он служил. В Москве он всегда к нам заезжал, очень любил мою маму, мою сестру. Что я могу о нем сказать? Богатая душа, добрый, отзывчивый, внимательный. Посоветует что — и всё сбывается. К нему очень много народа всегда приезжало, все были очень радостные. Он очень хорошо рисовал. Когда я приезжала к нему в Елгаву, он всегда говорил: «Ну, а теперь шагай в масетскую». А там полотна, все приспособ-

лено, и все было очень аккуратно. Он был аккуратным и требовательным. Но требовательность не злая, а человеческая, душевная. Жалко, что его уже нет. Пусть он остается у нас, у меня, моих родных и всех, кто его любит, глубоко-глубоко в душе. Он нам всем помощник.

Семинар, подготовленный Благовещенским и Свято-Сергиевским малыми православными братствами, собрал тех, для кого важен духовный путь отца Тавриона. Ведущие встречи — Татьяна Авилова и Ольга Сушкова — предложили рассмотреть наследие отца Тавриона таким образом, чтобы каждому из нас подумать, как мы можем идти тем же путем.

Исследовательница судеб духовенства и монашества пермской земли в XX веке Валентина Костина, принимавшая участие в подобном семинаре в прошлом году, рассказала об опыте собирания материалов к жизнеописанию отца Тавриона. Плодом ее кропотливой работы стала книга «Богом моим пройду стену...», раскрывающая исповеднический подвиг отца Тавриона.

Участница семинара Тамара Тябут напомнила присутствующим о детстве будущего отца Тавриона. Как его, одного из десяти сыновей, по совету игумена монастыря родители отдали в послушники как десятину Богу и о том, как взрослые просили мальчика помолиться. Выступавшая задала присутствующим вопрос: можем ли мы сегодня представить себе маленьких детей как ходатаев перед Богом?

— Я приобщился к большой семье, в которой был архимандрит Таврион, так как был женат на его племяннице, — рассказал Александр Алексахин. — Мы с супругой в первый раз поехали в пустыньку, и тогда той благодати, которую испытывает истинно верующий человек, у меня еще не было. Просто многому удивлялся. В первый приезд батюшка подарил мне Евангелие, которое до сих пор со мною и которым я пользуюсь все эти десятки лет. Помню, что после того, как я поговорил с ним, пообщавшись с монахинями, с людьми, которые трудятся в монастыре, в сознании произошел некий переворот. Потом, когда стал читать не только Евангелие, но и литературу, в том числе, жития святых, и мировоззрение, и духовный мир стал существенно меняться, и я бы сказал, что где-то к тридцати годам я уже имел внутренний позыв ходить в храм, молиться. После смерти архимандрита Тавриона мы обязательно раз в год приезжали к нему на могилку, и Ольга Васильевна, которая здесь присутствует, всегда была с нами. Благодати, которую мы получали там, хватало надолго, и мы ощущали, что действительно побывали в святом месте, и все это оставляло хороший отпечаток в душе... Сколько я вспоминаю батюшку, всегда перед глазами его улыбка, его свет и радость, которые исходили от него, несмотря на тяжелую жизнь, большую часть которой он провел в заточениях и в ссылках. Имея счастье встречаться с архимандритом Таврионом, я каждый день сейчас в молитве с ним общаюсь. У нас в семье есть две картины, написанные его рукой. Одна картина — «Христос в пустыне», другая просто живопись — букет полевых цветов в вазе. Все прекрасно исполнено. Вот такие краткие заметки, которыми я с вами не мог не поделиться. Спасибо такому большому коллективу и молодежи, которой здесь очень много.

В ходе семинара были показаны два видеointerview, в которых проф.-святш. Георгий Кочетков, ректор СФИ и духовный попечитель Преображенского братства, и Александр Копировский, ученый секретарь и профессор СФИ, лично знавшие отца Тавриона, свидетельствовали о том, что Спасо-Преображенская пустынь была настоящим духовным центром возрождения церковной жизни в советское время.

Максим Зельников, преподаватель СФИ, подводя итог встречи, сказал, что отец Таврион смог собирать столько людей, создавая Церковь, благодаря его христианской целостности, верности своему призванию, которое открылось для него еще в молодые годы. Где бы он ни

находился, он, без сомнений, совершал дело Христово. Преданность Христу, внутренняя свобода сделали его таким алмазом, который ничто не смогло перемолоть в годы гонений. И в этом смысле жизненный путь отца Тавриона для всех нас важен и актуален.

Валерия Волкова, Алексей Буданцев
Информационная служба
Преображенского братства

Православие — доминирующая религия в России?

С 11 по 15 апреля в МГУ им. М.В. Ломоносова прошла XVIII Международная научная конференция студентов, аспирантов и молодых учёных «Ломоносов 2011».

Конференция собрала участников из разных вузов России и ближнего зарубежья, в том числе МГУ, РГГУ, МГИМО, РГСУ, СФИ, СПбГУ, Тверского, Самарского, Липецкого, Саратовского государственных технических университетов, Ярославского, Тюменского, Башкирского, Поморского государственных университетов, Восточноукраинского национального университета им. В. Даля, Казахского национального университета.

Студенты Свято-Филаретовского православно-христианского института приняли участие в двух секциях: «Социология» и «Философия. Культурология. Религиоведение».

На социологической секции были затронуты темы ценностей, доверия, мифов сознания. С интересом был воспринят доклад выпускницы СФИ, магистра богословия Анны Алиевой, посвященный представлениям современных россиян о Боге и вере. Докладчица отметила, что среди тех, кто называет себя православными и верующими, больше тех, кто верит в приметы и гадания, чем среди тех, кто называет себя неверующими и колеблющимися. Многие наши соотечественники убеждены, что если человек русский, то в любом случае православный, даже если он не крещён, а если не русский, то и не православный. Нет ясности в вопросах веры и неверия: некоторые «верующие» говорят, что не верят в Бога, а именуящие себя «неверующими» и «атеистами» — наоборот. За последние 20 лет ситуация практически не изменилась, и пока в обществе нет видимого субъекта, который хотел бы и мог решать эти проблемы, занимаясь религиозным христианским просвещением.

На секции «Философия. Культурология. Религиоведение» выступили три студентки СФИ. Мария Кушнир в своём докладе поставила вопрос о жанре Евангелий, актуальность которого связана с необходимостью адекватного понимания текста. Студентка сделала вывод о том, что Евангелия являются уникальным литературным жанром, что вызвало полемику среди участников.

Доклад Анны Сафроновой был посвящён особенностям богослужения в Крестовоздвиженском православном трудовом братстве Николая Неплюева (1851—1908). Для большинства присутствующих новой оказалась информация о самом существовании в нашей стране 100 лет назад такого братства.

Особенностям богослужения российских евангельских христиан-баптистов был посвящен доклад Дарьи Макеевой. К несомненному достоинству богослужений христиан-баптистов она отнесла их миссионерский и катехизический потенциал, связанный с высокой включённостью в богослужение членов собрания. В то же время отрицание мистериальной составляющей богослужения — таинств — приводит, по ее мнению, к тому, что оно перестает восприниматься как встреча Бога и человека. Но чтобы иметь возможность сравнивать православное богослужение с баптистским, очень важно хорошо знать свою веру, заметила докладчица.

Информационная служба СФИ

БОГОСЛУЖЕНИЕ ДОЛЖНО ЗАХВАТЫВАТЬ УМ И СЕРДЦЕ

14 апреля в Российской государственной библиотеке состоялся круглый стол «Пойте Богу нашему, пойте все разумно». Возвращение Часослова мирянам». На нём был представлен седьмой том серии переводов «Православное богослужение», сделанных основателем и ректором Свято-Филаретовского института профессором-священником Георгием Кочетковым с группой помощников.

Об истории издания серии «Православное богослужение» рассказал во вступительном слове проф. Александр Копировский, учёный секретарь института. Первый том — «Вечерня и Утренняя» — был представлен на день свт. Филарета в 2007 году. В течение 2008 года были изданы следующие четыре книги серии. В 2009 году был издан шестой том — «Основные требы». На его презентации присутствовал архиепископ Тульчинский и Брацлавский Ионафан, по благословению которого издавалась серия. Седьмой том, содержащий последования Часов, Изобразительных, Повече-

Справа налево: Михаил Селезнев, Давид Гзгян, Александр Копировский, священник Георгий Кочетков, Владимир Якунцев

рия и Полуночницы, изначально не планировался и появился как дополнение к серии. В общей сложности работа по переводу богослужебных текстов осуществлялась более тридцати лет.

«Есть воля Божия в том, чтобы люди вспомнили слова Писания, которые вынесены в заглавие презентации: «Пойте Богу нашему, пойте все разумно». Современные люди очень нуждаются в том, чтобы воспевать имя Божие. Они не могут это делать в наше время иначе, кроме как разумно. Мы должны пойти навстречу этой внутренней потребности народа в церкви», — сказал в своем слове о. Георгий. Он отметил также, что всякий, кто берётся за перевод богослужения, должен чувствовать церковность этого дела, находиться внутри переводческой традиции, которая никогда не ставила на первое место внешнюю поэтику, но была ориентирована на адекватную передачу духа и смысла.

Об истории Часослова рассказала Зоя Дашевская, декан богословского факультета СФИ. В Русской церкви миряне, особенно после исчезновения соборного (кафедрального) богослужения, традиционно ориентировались на монашеское благочестие, которое предполагало медитативное размышление над Священным писанием, поклоны и

чтение (а не пение псалтири). Но с появлением и широким распространением молитвослова как основной богослужебной книги суточный круг богослужения для мирян сохраняется только в реликтовых формах. Встаёт вопрос: что требуется от мирян для восстановления суточного круга богослужения как единого закона веры, молитвы и жизни? В заключение Зоя Дашевская привела высказывание одного из древних отцов-аскетов, считавшего замену Писания в богослужении канонами и тропарями признаком «конца времён».

Евгений Рашковский, директор Центра религиоведения Всероссийской государственной библиотеки иностранной литературы, поздравил о. Георгия и всех, кто ему помогал, с завершением «семикинижия». Он назвал выполненный перевод богослужения взаимным движением: церкви навстречу языку и языка навстречу церкви. «Ваша работа, — сказал Евгений Борисович, — налагает на поэтов, историков, филологов ответственность за бережение языка, которое означает не его консервацию, а движение».

Владимир Якунцев, руководитель Методического центра по миссии и катехизации СФИ, напомнил, что в новом учебнике по миссиологии, подготовленном Миссионерским отделом РПЦ, миряне определяются не как «мирские люди». На мирянах лежит ответственность за проповедь Евангелия в этом мире. Он отметил, что интерес мирян к Часослову прямо связан с тем, несут ли они ответственность за церковную жизнь.

В завершение круглого стола о. Георгий сказал, что работу по изданию серии нельзя считать окончательно завершившейся. Впереди подготовка к переизданию уже разошедшихся книг серии. Финальным аккордом вечера стало выступление хора СФИ, исполнившего тропари из Часослова и другие песнопения на русском языке.

Информационная служба СФИ
(Фото Александра Волкова)

Продолжение темы — на с. 4

О ЧЁМ ГОВОРЯТ ЧИСЛА В БИБЛИИ?

12 апреля в Свято-Филаретовском православно-христианском институте состоялся второй семинар «Богословие и математика». Как и в прошлый раз, он собрал математиков и богословов из МГУ им. М.В. Ломоносова, Высшей школы экономики, Независимого Математического университета, Института проблем передачи информации РАН, Тверского государственного университета и Свято-Филаретовского института.

В начале семинара прозвучало два доклада, посвященных месту и значению чисел в Священном писании. Владимир Рыжиков, канд. физ.-мат. наук, доцент ТвГУ, показал, что библейской традиции, в отличие от языческой, не свойственна сакрализация чисел, приписывание им магического значения. Он сделал акцент на различии символа и знака: символ своим смыслом приобщает адресата к той или иной реальности, связь же знака с обозначаемым предметом более условна и произвольна.

Тему символики чисел в Священном писании продолжил Валентин Шехтман, доктор физ.-мат. наук, профессор МГУ. Особое внимание он обратил на контекст, в котором встречаются одни и те же числа в Писании и, шире, в природе, науке, культуре. Например, число «4» — это и символ всего мира (четырёх сторон света), и количество тактов в работе двигателя внутреннего сгорания. Число «7» — четверть лунного цикла — в библейской традиции означает полноту и целостность. А число «666» — не только символ антихриста в Откровении, но и вес золота (в талантах), «которое приходило Соломону каждый год» (3 Цар 10:14). Кроме того, число «6» может символизировать ненавистный израильскому народу Вавилон, где оно являлось основанием системы счисления (именно из Месопотамии мы унаследовали деление часа на 60 минут, а окружности на 360°). Кроме того, «6» больше «5» (символа человека), но до полноты, до «7», ему не хватает «1» — числа, символически связанного с Богом. Таким образом, «666» можно понять просто как очень большое число, означающее вершину земного человеческого могущества и начало распада мира.

Однако при подобных толкованиях можно говорить лишь о вероятном, а не абсолютном значении символов. Давид Гзгян, канд. филол. наук, магистр богословия (СФИ), поставил вопрос о том, как определить, насколько условны или, наоборот, очевидны метафорические значения тех или иных чисел в Священном писании. Как расшифровать смысл, стоящий за символом, и в то же время знать, где остановиться, чтобы не впасть в его сакрализацию и приписывание ему смысла, который за ним не стоит?

Николай Верещагин и Александр Красносельский

Лариса Мусина, зав. кафедрой Священного писания и библейских дисциплин СФИ, отметила, что необходимо учитывать и различать как минимум три уровня значений символа: стоящий за ним архетип, духовную традицию, в которой он употреблен, и культурный контекст, из которого исходит автор толкования. Методологические ошибки возникают при попытке выдать смысл метафоры, возникающей в современном контексте, за изначальный и единственный.

Размышляя над вопросом о значении шести дней творения, Юлий Ильяшенко, доктор физ.-мат. наук, ректор НМУ, профессор мехмата МГУ, вспомнил слова протоиерея Всеволода Шпилера о том, что рассказ о сотворении мира «облачен в красивую форму мифа». В то же время проф. свящ. Георгий Кочетков, ректор СФИ, отметил, что мифопоэтический язык отдельных мест Писания часто становится преткновением для сознания, подавленного научно-образным. Так, креационизм — здоровая, духовно плодотворная идея о сотворении мира Богом — часто подменяется и дискредитируется неокреационизмом, т.е. буквалистским, внешним подходом к толкованию текста Писания, не учитывающим традицию, в которой он создавался.

Обоюдное стремление к обособленности и ясности рассуждений сделало разговор богословов и математиков живым, интересным и плодотворным. Продолжить его договорились летом 2011 года.

Информационная служба СФИ
(Фото Виктора Ложкова)

Совершено разбойное нападение на православный институт

Вечером 19 апреля было совершено разбойное нападение на Свято-Филаретовский православно-христианский институт. Неизвестные лица, представившиеся сотрудниками ТСЖ «Покровка, 29», попытались вскрыть запасной вход, ведущий в помещения православного учебного заведения.

Нападавшие вели себя возбужденно и агрессивно, обещали пустить в ход лом и монтировку, находившиеся у них в руках. Они нецензурно оскорбляли сбежавшихся на шум сотрудников и студентов института и угрожали им нанесением побоев, увечий и даже лишением жизни в случае, если они будут вмешиваться. Свои угрозы они реализовали, нанеся удар монтировкой А. Черемшанцеву, жена которого в прошлом году скончалась после тяжелой болезни, оставив его единственным кормильцем четырех малолетних детей.

Вызванный наряд полиции прибыл через 15 минут. По неизвестным причинам полицейские назвали разбойное нападение на православно-христианский институт имущественным спором и предложили сторонам дать объяснения в полиции. При этом гражданин, нанесший увечья А. Черемшанцеву, не был ни опрошен, ни задержан. На замечания сотрудников СФИ по этому поводу полиция не отреагировала.

Со стороны Свято-Филаретовского православно-христианского института и пострадавших поданы заявления о хулиганстве и разбое, которые в настоящий момент рассматриваются полицией.

Информационная служба СФИ

Эта новость вызвала множество откликов в социальных сетях; некоторые из них мы публикуем ниже.

andrej_belous (дьякон Андрей Белоус)
Лом — оружие трусов

Как Вы понимаете, я жестко осуждаю попытку свести серьезные вопросы к балагану с ломом. Если кому-то не нравятся спорные идеи, с которыми ассоциируется Свято-Филаретовский Институт, то тут и так все ясно. Со спорными идеями нужно спорить. И не ломами, а своим интеллектом. Увы, на чтении «благословия» или «рашенпицплайна» интеллект не вырастить. Тут нужно что-то основательно читать. Но всех наших богословов на этих изданиях давно уже обозвали «необновленцами», «еретиками» и «экуменистами», а потому мир Спаского, Болотова, Карташева, Успенских и т.д. остается закрытым для этих «ревнителей». Да и вообще, какое богословие! Много будешь знать, скорее еретиком станешь. Такое там направление. Вот и берется человек за лом. И думает, тем принести службу Богу. А ведь нам очень не хватает содержательной полемики. То есть, не навешивания ярлыков, а серьезного обсуждения. Так хочется уже дождаться от ревнителей чего-то серьезно-научного, чтобы опровергать было действительно интересно. Но нет. В ход обычно шел набор штампов. Теперь и за лом взялись?

Iudenhoff (свящ. Федор Людоговский)

И хотелось бы хоть на Страстной отвлекаться от всяких споров и скандалов — но не получается.

Вчера вечером было совершено разбойное нападение на Свято-Филаретовский институт. История, к сожалению, вполне обычная. Чем помочь, не знаю. Разве что не допустить, чтобы это дело замолчали и замяли. Опыт показывает, что и это уже немало.

vik_sud (Виктор Судариков)

Конечно же, беззаконие должно быть пресечено и наказано, стоит надеяться на прекращение конфликта. Однако, думаю, давно назрел вопрос и о месте СФИ среди православных учебных заведений, и о фактической изоляции, в которой находятся общины (малые братства) о. Георгия Кочеткова в православной Москве.

ailoyros (Андрей Десницкий)

Что называется «фактической изоляцией»? любовь к ним со стороны многих? так и нас с тобой не все любят.

И как одно связано с другим? типа, если бы они не были в этой изоляции, то ТСЖ было бы к ним иначе настроено? не било бы монтировкой?

vik_sud

Речь не о личных взаимоотношениях. Изоляция — отсутствие взаимного общения, взаимной продажи книг в разных приходах, подозрительность и т.д. На конференциях в ПСТГУ много ли представителей СФИ? Сколько московских духовников благословляют учиться в СФИ? И т.д. Это грустно, но изоляция есть.

Произвол мелких или крупных чиновников может быть к кому угодно, безусловно.

Но результат разобщения — конечно же, меньшая солидарность... Было бы это нападение на ПСТГУ (который тоже когда-то приняли не сразу) — была бы поддержка Чистого и многих московских приходов...

Может быть этот случай напомним, что что-то должно измениться?

ДАЙ БОГ, ЧТОБЫ УЧАСТЬ «ПОСТАВИТЬ ПОСЛЕДНЮЮ ТОЧКУ» МИНОВАЛА НАШУ ЦЕРКОВЬ

Из выступлений участников круглого стола «Пойте Богу нашему, пойте все разумно». Возвращение Часослова мирянам».

М.Г. Селезнев, переводчик Священного писания, зав. кафедрой библеистики общецерковной докторантуры и аспирантуры им. свв. Кирилла и Мефодия:

Прежде всего, я хотел бы поблагодарить о. Георгия и тех, кто так или иначе был причастен к этому проекту, за то, что они на это дело решились и с таким упорством много лет его делают.

Когда кончилась эпоха коммунистического господства и церковь в начале 1990-х годов зажила новой жизнью, то перед ней возник очень серьезный соблазн — поверить, что на все вопросы, которые современность может ставить перед христианином, есть простой ответ: «вернуться в прошлое». Дискуссия шла о том, возвращаться ли в XIX век, в эпоху Победоносцева и Леонтьева, или в XVII век, в дониконовскую Россию. Сейчас, на мой взгляд, становится понятным, что это туиковый путь. Возвращаться в прошлое невозможно — никогда. Нельзя уйти от диалога с современностью. А диалог с современностью всегда подразумевает какие-то поиски, которые, в свою очередь, всегда подразумевают ошибки. Эксперименты по поиску новых выразительных средств, нового языка — это очень сложные эксперименты, и решающийся на них всегда обрекает себя на жертву. Потому что критиков, которые будут искать и находить ошибки, часто их придумывать (и тогда это еще не так обидно), а часто показывать реальные ошибки (и тогда это совсем обидно) — таких критиков будет очень много, а «спасибо», может быть, прозвучит в следующем поколении. Или не прозвучит совсем.

Проблема поиска нового языка религиозной жизни, диалога с современностью мне тоже очень близка в связи с тем, что вот уже два десятилетия я занят переводами Библии. Сегодняшняя встреча, сегодняшняя дискуссия сочетает две эти темы: перевод богослужения и перевод Писания. Каждая из них сложна сама по себе; но когда речь идет и о том, и о другом вместе, сложность не просто удваивается — она утраивается. Возникает очень много вопросов, о которых мы даже и не задумываемся, пока не вглядимся пристальнее в структуру нашего богослужения, в то, как используется в нём Писание.

Сегодня неоднократно упоминалась Псалтирь. Так вот, если направить наш взгляд к самым истокам библейской традиции, к древнееврейской Псалтири, то и стилистическим, и содержательным ключом к Псалмам будет архаическая простота. Древнееврейский вариант Псалтири очень сжат по ритмике и несдержан по эмоциям. Это мольба, которая порою просто переходит в крик. Сергей Сергеевич Аверинцев, неоднократно упоминавшийся сегодня, говорил про Псалтирь: «Это слово проговариваемое, выкрикиваемое нарспев, выпеваемое. Если язык Септуагинты и последующих переводов — это язык теологической рефлексии, то язык еврейской Библии — это язык первоначального религиозного опыта, который предшествует любой рефлексии. Любое позднее переложение кажется искусственным: торжественность вместо первозданности». Фонетическая сжатость, плотность, разительная краткость — вот что мы видим, когда вглядываемся в Псалтирь еврейскую.

А те египетские отцы, о которых нам сегодня говорили, — они читали во многом уже другую Псалтирь. Греческая, не еврейская Псалтирь лежала в основе раннего христианского богослужения. Эта греческая Псалтирь, хотя она и создавалась еще в довизантийские времена, в иудейской диаспоре, более приспособлена к византийскому богослужению. По сравнению с Псалтирью древнееврейской это совсем другой стиль, другой язык.

Так на какой из этих двух образов Псалтири должны мы ориентироваться, когда речь заходит о её богослужебном использовании — на ту архаику, с которой все пошло, или на Псалтирь отцов? У Сергея Сергеевича Аверинцева был замысел предложить читателям два ряда перевода псалмов: перевод с древнееврейского текста, ориентированный на их архаическое звучание, и перевод с греческого текста, ориентированный на традицию чтения Псалтири в православном богослужении. Впрочем, во многих псалмах, которые Аверинцев перевел, он комбинирует эти две традиции.

Пока мы просто слушаем привычные слова славянского богослужения или вчитываемся в привычный синодальный текст, проблем вроде бы нет. Но как только начинаешь с текстом работать, как только начинаешь пристально в него вглядываться, как только привычные слова исчезают — встают все новые и новые проблемы того, как нам понимать нашу традицию, как она, эта традиция, должна себя осознавать сегодня.

И мне хочется, прежде всего, пожелать тому коллективу, который занимался в СФИ переводом богослужебных текстов, чтобы нынешнее завершение семикнижия не стало точкой. Потому что речь идет именно о диалоге церковной традиции и сегодняшнего дня, а диалог — это всегда живой процесс. Некий промежуточный итог диалогу может подвести Церковь (когда промежуточный результат процесса принимает в свою практику), но процесс все равно продолжается. Когда я работал над переводом Библии, я очень часто вспоминал слова Сергея Сергеевича Аверинцева, говорившего о своих переводах: «Мы делаем не переводы и даже не черновики, а черновики черновики». И когда я считал какие-то моменты в наших переводах удачными, я думал, что вот, мы переходим от стадии «черновика черновики» к стадии «просто черновики». Этого ощущения незавершенности диалога традиции и современности мне и хотелось бы вам пожелать, чтобы никоим образом ни окончание серии переводов, ни сегодняшняя встреча не поставили точку. Это живой процесс, в ходе которого церковь являет свою жизнь, являет, что она не умерла.

Дай Бог, чтобы участь «поставить последнюю точку» — миновала нашу Церковь. Миновала благодаря тому, что кто-то берет на себя риск эксперимента и идет на совершенно неблагодарное дело, которое вызывает много критики и относительно мало благодарности.

Спасибо вам.

«Кифа»: Среди тезисов VI отдела Предсоборного совещания были такие слова: «Творчество в богослужении допустимо и возможно». Преподаявая в общецерковной докторантуре и аспирантуре (а скоро и магистратуре), Вы сталкиваетесь, может быть, с наиболее одаренными из будущих священнослужителей. Исходя из опыта общения с ними, какую Вы видите сегодня перспективу не только переводов (и литургических, и переводов Писания), но и их творческого вхождения в нашу жизнь?

М.Г. Селезнев: Сейчас мне это кажется более реальным, чем пятнадцать лет назад. Что-то значимое произошло в церкви в эти полтора десятилетия. Иллюзия того, что на все можно найти простые ответы в прошлом, развеялась, ушла. Это была неопитская иллюзия огромного

потока людей, пришедших в те годы в церковь: что кто-то за тебя может все решить (или уже решил столетия назад).

Сейчас, когда становится понятным, что вернуться в прошлое нельзя, становится понятной и необходимость творчества. А все необходимое допустимо и возможно.

Давид Гззян, профессор СФИ, член Межсоборного Присутствия Русской православной церкви:

Прежде всего, должен поделиться одним впечатлением. С самого начала было объявлено, что сегодняшняя презентация произошла едва ли не случайно. Думали, что шесть томов уже достаточно, и только вследствие того, что семерка больше походит на символ полноты, появился как бы так невзначай, почти факультативно, этот том, который скромно называется последним; дескать, это Часослов, и потому дополнительный. Но вот сначала отец Георгий озвучивает такой ответственный и явно не факультативный тезис: в связи с возвращением Часослова во весь рост встает проблема возвращения Священного писания в качестве основной богослужебной книги. Потом Зоя Михайловна Дашевская говорит, что сюжет возвращения Часослова мирянам означает ни больше ни меньше как восстановление подлинного молитвенного духа за счет возвращения Священного Писания в качестве основной богослужебной книги, когда молитва напитана самим духом Откровения. В результате получается, что мы от невинной затеи презентовать добавочный том приходим к столь фундаментальным вещам. И оказывается, что это не случайно, потому что общая тема восприятия богослужения, адекватного вхождения в мир взаимоотношений между Богом и человеком особенно остро звучит в связи с переводом. Вот, казалось бы, «техническая» затея, связанная с тем, что с непонятного языка переводят на понятный, а она рождает совершенно не тривиальный вопрос, требующий всецелого внимания. Вопрос о том, что именно должно быть понятным, в частности, на что ориентировать перевод. Дело в том, что если всерьез говорить о содержании Священного писания, то оно требует не понимания текста как такового, а понимания того, что стоит за текстом. А за текстом стоит не сумма образов и каких-то самодовлеющих смыслов, а очень непростой, напряженный опыт вслушивания в то, что «Дух говорит Церквам», если вспомнить известное место из Священного писания. И, конечно, когда эта чуткость просыпается, тогда она — собственно, Сам этот Дух — и формирует особую библейскую поэтику, которая, вообще-то говоря, мало у кого вызвала когда-либо восхищение художественного свойства, но почему-то очень часто вызывала восторг, смешанный с трепетом.

Можно сказать, что удачный перевод удачен потому, что он способен оживить звучание того, что исходит из глубин или, может быть, откуда-то из тех вершин, до которых в обычном случае не добраться. И удивительно еще то, что из скромной затеи рождаются такие мысли — почти глобального содержания. Хотя я, честно говоря, еще полчаса назад не подозревал, что они возникнут именно в связи с презентацией седьмого тома. Стало быть, всё это

делается не зря, и я только присоединюсь к словам благодарности самоотверженному автору за то, что это событие состоялось.

Кирилл Мозгов, филолог, руководитель издательства СФИ:

Я хотел в продолжение разговора сказать пару слов о языке молитвы. Часослов — это книга, которая предназначена для ежедневного чтения и, таким образом, наша встреча с этим текстом, с литургическим русским языком, или церковным русским языком, тоже ежедневна. А слово молитвы, которое произносится на своем языке, странным образом имеет совершенно особую силу действия. Когда я вспоминаю многочисленные примеры людей, которые, услышав что-то во время богослужения, меняли свою жизнь (достаточно вспомнить Антония Великого или блаженного Августина), мне почему-то очень трудно себе представить, что слово, которое они услышали, требовало перевода. Когда сталкиваешься с текстом на другом языке, даже если этот язык тебе достаточно хорошо знаком, то возникает некоторый восторг переводчика — восторг перед поэтичностью, красотой, но это в гораздо меньшей степени побуждает к действию, нежели слово на родном языке.

Мы говорили неоднократно о связи языка молитвы и нашего языка, на котором мы говорим. И проблемы перевода связаны с проблемой современного русского языка как такового, потому что действительно очень часто (и на том порою строится критика возможности перевода) возникает недоверие к русскому языку, причем некое тотальное недоверие к тому, что на этом языке можно что-то сказать красиво, понятно, сказать с силой. Я думаю, что это недоверие связано с незнанием родного языка и нелюбовью к нему. Приведу одну цитату Георгия Федотова, которого сегодня уже вспоминали. Он писал: «Можно было бы сказать, что русский литературный язык вобрал в себя все действительные ценности славянского, и быть может, не актуализирует их в полной мере, но сохраняет в своих запасных кладовых, подобно древней монете, не имеющей хождения, но не утраченной своей ценности» («Путь». №57. 1938). Одним из ярких примеров использования этих «кладовых» являются переводы Аверинцева, потому что он как раз не боялся использовать слова отнюдь не из ежедневного обихода, но слова живые, слова русского языка. Это важно, потому что русский язык имеет все возможности для передачи того, что мы хотим сказать при переводе.

Конечно, складывание русского литургического языка требует времени, но требует и усилий — и в том числе усилий в нашей ежедневной молитве, потому что взаимообогащение языка может происходить и на самом деле подспудно происходит в тот момент, когда мы на этом языке молимся. Это то, что безусловно влияет и на нашу живую речь. Слово молитвы, которое читается и произносится на родном языке, действительно приобретает силу, а ведь проблема нашего времени — это обессиливание, обессмысление слова. Мне кажется, что благодаря молитве — и именно молитве на родном языке — возможно возвращение силы и красоты русскому слову сегодня в нашей речи.

Трагические поиски цельности мира

В начале апреля в Петербурге и Москве состоялись презентации сборника избранных работ Ольги Седаковой «Четыре тома». Одна из встреч, происшедших в связи с этим событием, носила название «Из глубины взываю к Тебе, Господи»: «воскрешение внутреннего человека». Круглый стол, организованный Свято-Петровским малым православным братством, предлагал его участникам обратиться к вопросу о том, как сегодня, переживая последствия антропологической катастрофы XX века, можно воскресить в себе того внутреннего человека, о котором ап. Павел писал: «Если внешний наш человек и тлеет, то внутренний со дня на день обновляется (2 Кор 4:16)». Мы публикуем небольшой фрагмент этой встречи.

Юлия Балакишина:

Я начну, попытавшись обозначить границы темы: о чём, собственно говоря, и почему мы решили говорить. Вы, наверное, знаете, что сейчас у нас в Петербурге проходит замечательная выставка музея Прадо. Когда я была на этой выставке, я невольно слушала то, о чём говорят люди, когда они встречаются с тем или иным произведением большого искусства. Например, человек подходит к картине, смотрит на неё и говорит: «Какой замечательный румянец!» или: «Какие чулочки! У меня есть точно такие же». И на этом общение человека с полотном завершается. Он выхватил какой-то фрагмент, опознал его как что-то ему знакомое и отошёл, успокоился. Картина как целое даже не воспринимается, воспринимается только её фрагмент, и, естественно, никакой внутренний диалог тут возникнуть не может.

Как преподаватель русской литературы в педагогическом университете я сталкиваюсь с тем, что современному молодому человеку очень трудно читать романы Достоевского, потому что они построены так, что сюжет в них неявен, его нужно восстановить путём какой-то внутренней работы. Они не понимают, что там происходит, какова событийная канва. Им очень трудно даётся Фет, потому что это «ни о чём», это какие-то движения человеческой души, которые не определяются даже словом. Иногда это некие полутона и нюансы, которые можно опознать, только если ты их знаешь в своём внутреннем пространстве.

Не знаю, согласитесь ли вы, но с современным человеком происходит то, что мы называем потерей, деформацией, смертью внутреннего человека. У Сергея Сергеевича Аверинцева есть такая мысль: в разные эпохи доминируют разные восприятия мироздания. Есть эпоха античности, когда «умным зрением» человек схватывает некую совершенную форму вещи. Есть эпоха Средневековья, когда человек способен к созерцанию бытия, того, что даёт этой вещи суть и основание. Есть эпоха Нового времени, научная эпоха, которая приучает смотреть на вещи в рамках причин и следствий и в некоем трёхмерном пространстве. Мне представляется, что наша эпоха лишает пространство «третьего измерения». Она становится плоскостной, даже цвет, в который красят современные журналы или реклама, не имеет глубины, принципиально живёт на плоскости. Соответственно, с человеческим внутренним существом происходит нечто аналогичное.

Может быть, вы не согласитесь с моим диагнозом, может быть, всё не совсем так с современным человеком, но если мы хотим говорить о воскресении внутреннего человека, то нам нужно определиться с тем, как мы видим эту проблему.

Ольга Седакова: К теме плоскости я бы добавила еще одно важное свойство нашей современности: небывалую фрагментарность. Не только нет глубины, но и на плоскости нет целого. Видятся, как Вы говорили, какие-то случайные, выхваченные куски, фрагменты, осколки, которые человек (ни «средний» художник современности, ни «средний» зритель) даже не пытается соединить в целое, связать с чем-то целым, разместить относительно этого целого, относительно центра: где этот фрагмент? Он центральный — или он совсем маргинальный? Человеку почему-то неважно. Просто: тот,

Данте. Фреска Доменико ди Микелино, 1465 г.

который он заметил. Мне вот это интересно: чулки мальчика. И все. Имею право.

Моя знакомая немецкая художница рассказывала мне, что с ней произошло после обращения в христианство (до этого она была неверующей): «Я видела все только во фрагментах, как в игре-пазле, составляя кусочки к кусочку. Вся моя жизнь была как пазл: сейчас я готовлю завтрак, потом пишу картину, потом то-то и то-то, и ничто этого не связывает. А теперь я вижу все это по-другому — не как пазл, а как некоторое целое. И поэтому я вижу каждую вещь, которая до этого была для меня мертвым пустым фрагментом. Вот хлеб. Прежде он был для меня бессмысленным, почти не имеющим ни запаха, ни вкуса предметом, как и все — в какой-то утилитарной, функциональной, знаковой перспективе. А теперь это не знак хлеба, а сам хлеб, с его запахом, тяжестью, глубиной — даже исторической глубиной. Я могу его пережить — а не машинально состыковать с другим предметом, ножом, например. Парадоксально: как только обнаруживается чувство целого, каждая отдельная вещь приобретает свой самостоятельный смысл: она тоже целая».

Я думаю, что искусство Новейшего времени, модерна накануне наступающих катастроф, которые художники и мыслители обычно предчувствуют, ставило вопрос о человеке на этой границе, на границе «обычного мира». Что сделает такой человек, каким его застанет будущее? Искусство XX века, я думаю, больше всего занималось попыткой найти цельность. Новую цельность. Потому что в XIX веке мир стал дробиться. В реалистической живописи, в натуралистической литературе мы видим детали, детали, детали... А где целое? «Человек реалистический» не очень-то целен, и нам даже нравится, что в нем «много всякого». Есть эпохи, у которых целое огромное и, так сказать, предьявлено: допустим, Средневековье. Все мирозданье в куполе баптистерия Сан Джованни. Это крайне централизованная эпоха. Мы видим в Данте, которого крестили под этой еще византийской мозаикой, такой целиком центрированный мир, при этом происходящий из одного центра. Вероятно, не каждый современник Данте был к этому способен, но человек просвещенный, одаренный, несомненно, умел видеть мир как целое. Для него естественным образом от любого цвета, от любого вкуса связи протягивались куда-то к центру. XIX век потерял эту централизованность. И вот модерн — это попытка вновь найти какой-то центр, какой-то способ еще раз все связать. Недаром модерн порой называют новым Средневековьем. И это то, почему искусство и мысль модерна, как правило, трудна обывателю, почему он говорит «я этого не понимаю» и не может узнать даже сюжета модернистских сочинений, слышать с реальностью, ему привычной. Уже в романах Достоевского это не всегда просто, а, допустим, сюжет Джойса и вполне образованный человек часто и пересказать не сможет, уловить, что вслед за чем происходит, как меняется голос повествователя.

Почему же все так изменилось в этом письме, что стало неузнаваемым? Потому что отдельную вещь художник модерна вновь пытается поставить в отношение к целому. Когда мы видим тот же предмет в его отношении к целому, он может принять неузнаваемый облик. Собственно говоря, метаморфоза предмета в модерне происходит из-за этого: это уже не та вещь, какой мы ее видим отдельно от всего, она в картине целого, в поле его энергии. Но, поскольку все это были, в общем-то, очень индивидуальные поиски (в отличие от Средневековья, когда картина цельности и ее центра была общей, картина символики была общей), мы чувствуем какую-то болезненность и трагизм в модернистском искусстве. Каждый раз предпринимается попытка создать центрированное, цельное мирозданье — и она оказывается или условна, или неустойчива. Но, тем не менее, поиск центра, который одновременно есть и глубина мира, и глубина собственной личности — это мысль модерна, главный его пафос. Вся эта модернистская попытка оборвалась, и на ее место пришел благополучный постмодернизм, который сказал: «Довольно. Вот так, фрагментарно, и надо смотреть, играть, переставлять, пробовать; вот это норма. Не надо ни о чем другом и говорить». И в этом — ощущение сорвавшейся, не нашедшей своей цели попытки модерна.

Если говорить об искусстве и мысли, то на самом деле можно было бы и не признавать поражения, а пытаться продолжить это усилие, это великое предприятие модерна — искать новую цельность. Оно и дало такие великие вещи, как поэзия Элиота, как музыка Веберна. Из того, что у наших предшественников не получилось какой-то общепотребительной системы целого, подобной средневековой, не следует, что вообще никакой цельности нет и не надо! Что можно продолжать дурную бесконечность пляски фрагментов, клипов, осколков пазла. Как в стихах Елены Шварц:

Дробление множеств

До еще больших ничтожеств.

Я думаю, что в поиске новой цельности, нового отношения с центром должен соединиться очень индивидуальный поиск (без которого нельзя представить не только человека модерна, но вообще человека Нового времени) с тем, чем мы на самом деле обладаем. У нас есть традиция восприятия центра и глубины, которая хранится в церковном предании — традиции большей, не индивидуальной, не построенной каким-то одним гением общей картины жизни. Но при этом абсолютно нельзя миновать всю историю индивидуалистического развития, притвориться, что мы просто включимся в «готовую» систему как ее части и уже впросов себе ни о чем не будем задавать... Так уже не получится с историческим человеком. Я думаю, что где-то здесь и есть перспектива возможного выхода из фрагментации и дробления: соединение очень личного поиска, очень личной необходимости своих действий, и при этом без отрицания того, что все-таки уже найдено. Преодоление скепсиса.

Служение словом предполагает хор

Из пресс-конференции в Библиотеке-фонде «Русское Зарубежье»

Вопрос: Ольга Александровна, как Вы думаете, насколько творчество поэта может быть служением Богу? Каких опасных крайностей стоит избегать, отвечая на этот вопрос?

О.А. Седакова: Я думаю, что служением может быть всё, в том числе, уборка комнаты — и уж тем более сочинение стихов. Моя бабушка, по происхождению крестьянка из Владимирской губернии, была настоящим духовным человеком — она постоянно молилась, думала, читала... И вот однажды она говорит мне: «Ты счастливая, у тебя есть чем Богу угодить, ты Ему стих напишешь, а я чем угожу?» Я отвечаю: «А ты тарелку вымоешь!» (у нее тарелки сверкали, как в конце «Федориного горя»). На что она огорченно сказала: «А зачем Ему мои тарелки?» Я сказала: «А зачем Ему мои стихи?» Она было согласилась: «И правда!» Но потом, подумавши, говорит: «Нет, все же стихи — это не тарелки».

Да, поэзия — древнейшая форма религиозного служения. Когда противопоставляют поэзию вере, забывают, что все Священное писание — это поэзия. Оно написано стихами, по определенным законам версификации. Литургические гимны и молитвы — это поэзия, часто великая поэзия. Но поэту Нового времени уже очень трудно думать о творчестве как о церковном служении в этом, самом прямом смысле.

Свою обедню отслужу —

как у Блока, это другое дело. Обратим внимание: обедню без прихожан, без хора! Многие великие поэты (Рильке, например, или Елена Шварц) так и понимали свое дело — как некое конфессионально неопределенное служение. Пути церковной и светской культуры далеко разошлись со времен Ренессанса. Свободное искусство существует отдельно, у него свой язык, а храмовое искусство становится по существу декоративным, делая копии и копии копий и копии копий... А ведь в нем было великое живое вдохновение. Сейчас, после выставки Андрея Рублева, мы могли еще раз увидеть, что храмовое искусство было не благочестивым украшением храма, а величайшим прозрением, вдохновенным искусством.

И я думаю, что трудность состоит совсем не в личной вере современного художника. Не отсутствие личной веры затрудняет этот путь и не дает воспринимать собственную поэзию как религиозное служение, а скорее одиночество, которое вошло в глубину нового искусства. Поэт Нового времени говорит как одинокий человек, от себя лично. Любимый псалом царя Давида, даже покаянный Пятидесятый, который говорит о сугубо интимных, личных переживаниях Псалмопевца, тем не менее написан для хора! Религиозная (или духовная) поэзия по существу своему — хоровая поэзия, даже если речь в ней ведется от первого лица единственного числа, от «я», а не от «мы». Это голос некоторой общности. А у поэта Нового времени нет такой опоры, нет своего «хора». А у общин — можно добавить — нет своего поэта! Стихотворцев в приходах много, но стихи их на духовные темы обычно отличаются от «светских» поэтов только тем, что это дилетанство. Одиночество поэта наших дней я увидела наглядно, читая изданную в монастыре Бозе антологию «Поэзия по литургическому календарю» (названную, между прочим, строчкой из моего стихотворения: «Ты гори, невидимое пламя»). В этой антологии — стихи поэтов XX века, причём не обязательно католиков и даже не обязательно христиан. День Страстной Пятницы отмечен стихами Пауля Целана. И когда я всё это читала, день за днем, стихи за стихами, меня поразило, что постоянно, в разных авторах слышен одинаково одинокий голос, голос человека, который за собой не слышит хора. Стихи размещены по литургическому календарю — но именно в литургическом пространстве одинокий голос звучит особенно печально. Даже если он говорит о радости, он всё равно печален, потому что он один. И я думаю, для того, чтобы всерьёз, в самом прямом смысле воспринимать себя как человека, совершающего служение поэтическим словом, необходимо чувствовать вот это общее, этот общий хор — хор не только людей, но и земли, и звезд, и морей. Ты обращаешься не к «своему» Богу, а к Господу всех, и в каком-то смысле от лица всех.

28–30 сентября

Преображенское содружество малых православных братств, Свято-Филаретовский православно-христианский институт и Культурно-просветительский центр «Преображение» проводят XXI международную конференцию

«СЛУЖЕНИЕ БОГУ И ЧЕЛОВЕКУ
В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ».

«В рамках очередной ежегодной конференции мы хотели бы говорить о служении как об особом качестве жизни, выражаемом в категориях свободы, творчества, призвания свыше. При этом нам принципиально важно не противопоставлять служение Богу и человеку, а также служение церковное и служение общественное» — говорится в анонсе конференции.

«Кифа» уже не однажды перед большими конференциями Преображенского братства позволяла своим читателям заглянуть в «кухню», где готовится пред-

стоящее обсуждение, поучаствовать в самых первых размышлениях организаторов о том, что является самым значимым в поднятой теме. Нам кажется, что такие публикации помогают всем будущим участникам заранее начать подготовку к предстоящей конференции. Сегодня мы публикуем фрагменты обсуждения темы «Служение Богу и человеку в современном мире» на заседании оргкомитета конференции, прошедшем в начале 2011 г.

ЧЕЛОВЕК, ОТКАЗАВШИЙСЯ ОТ СЛУЖЕНИЯ, ТЕРЯЕТ СЕБЯ

Проф.-свящ. Георгий Кочетков (ОГК): Служение, предваряющие его условия и его рецепция — это три аспекта одного процесса служения, которые стоит развести и о которых стоит специально поговорить.

Дмитрий Гасак (ДСГ): Какие условия Вы имеете в виду?

ОГК: Свобода духа, личностность, соборность, личностное призвание.

Давид Гззян (ДМГ): Важно видеть связь условий с определенной исторической эпохой, с церковным и общественным климатом. Не для поиска оправданий, а для обретения трезвенного понимания, что какие-то вещи сейчас невозможны. Но возможны другие.

ОГК: Трезвенность, различение духов — это основа основ для служения. Так же как дар, который ведет к призванию. А призвание ведет к целожизненному служению, которое может быть воплощено в разных формах.

ДСГ: Человек не может оправдывать отсутствие служения отсутствием необходимых условий для него.

ОГК: Не может, потому что есть принцип личности.

От служения нельзя отказаться. Есть внутренняя обязательность исполнения своего призвания. И если ты от него откажешься, то потеряешь себя.

Ю. Балакишина (ЮБ): Не будет ли с церковной точки зрения служение искусству, государству, обществу восприниматься как идолослужение?

ОГК: Нет. Разведение церковного, с одной стороны, и светского как «мирского», с другой — искусственно, и мы его хотим преодолеть. При этом важно опираться на тезис Бердяева: христианство освободило человечество от идолотрии.

С. Смирнов (СВС): Мне кажется, что служение музам — внимание к музыке сфер, то есть действие пассивное. А служение Богу — действие активное.

ОГК: Одно другому не стоит противопоставлять. Мы говорим о Богооткровении и Богопознании: это диалектика нисходящего и восходящего, и одно от другого не может быть оторвано. Мы должны различать нисходящую и восходящую линии как в служении, так и в любви. Служение — это плод любви, а не обстоятельств или истории. Это плод не талантов, а таланта, того, что называется гением. Хотя бывает и демонический гений, бывает злое служение. У служения, как и у всех великих вещей, может быть темный двойник.

ДСГ: Талант (а значит, и поиски служения) означает поиск грани, и следовательно, риск за эти границы выйти. Что значит гений и демон, если добро и зло несовместимы? Человек в поисках этих границ иногда за эти границы переходил, но понимал, что переходил.

ОГК: «Гений и злодейство» не сводятся к антитезе добра и зла. Существует не просто талант, а существует некий процесс, человек всегда куда-то движется. Важно — куда. Гениальность может убить человека, а может его преобразить. Гениальностью, творче-

ством можно оправдываться. В пределе это означает, что гениальность и творчество ведут к святости и святости. Но это динамическая вещь, к этому надо прийти, это надо раскрывать, потому что если употребишь талант во зло, то он будет отнят или ты превратишься в демона. Есть истинное служение, и есть ложное. Но это не то, что в полном смысле можно назвать служением. Гениальность, если потеряна связь с Богом, превращается в «гениальность» в кавычках. При этом могут создаваться великие с человеческой точки зрения произведения.

Очень важно, приписываем ли мы служению амбивалентность или различаем: есть служение, а есть нечто на него похожее, его темные двойники. Второй подход освобождает нас от необходимости оправдывать служение. Я бы предпочел употреблять такую терминологию, которая не предполагала бы двойственности. Если ты служишь — служишь Богу. А если служишь бесам, то это псевдослужение.

СВС: Слово «служение» даже в контексте Нового Завета употребляется не только в смысле истинного служения, например, когда речь идет о служении двум господам.

ОГК: Это в социальном контексте. Когда мы включаем социоморфные вещи, когда речь идет о господстве, тогда да. Почему и культура, как срединное царство, может быть направлена в разные стороны.

ОГК: Идеи служения отечеству, народу, культурной традиции, истории присутствуют в современном обществе, о них много говорят на телевидении и в прессе.

ДМГ: Все уже прозвучало в антинности. Общественное благо должно быть отображением Блага высшего, которое не является социальным как таковым. Можно обсуждать формы сопряжения высшего Блага с социальным. Как согласовать Благо как ориентированность на истину и благо как определенное устройство социального механизма? Эта проблема не чужда христианину.

Лариса Мусина: Мы постоянно слышим о национальной идее: происходит поиск того, вокруг чего собирать людей, и поиск этот связан в том числе и с типичными заблуждениями, иллюзиями. Какие претенденты есть в общественном мнении на роль собирающей силы? Здесь много темного и ложного.

ОГК: Если говорить об обществе и народе, нужно почувствовать свое призвание к собиранию народа через возрождение общинного и братского начала настолько, насколько народ это может воспринять, вместить. Отсюда все идеи гражданского общества. Идея общины и братства может иметь не только церковное измерение, но и общественное. Наш народ по-другому собрать нельзя. Если хорошие люди на что-то реагируют, то именно на это. Хотя нет образцов, нет примеров, людям кажется, что это идеалистические вещи. Но говорить об этом можно: об инициативности, об ответственности, о качестве, о полноте. Даже идеи гламура родились из желания качественной жизни именно на этой земле, из понимания, что мы живем в свинарнике, а можем жить

нормально. Люди не способны это пока обсуждать. Нет внутреннего опыта. Но надо выводить разговор из идеалистической сферы, говорить конкретно. Если бы церковь показала пример, люди бы на это пошли. Вот путь к возрождению народа и страны, если к этому прибавится покаяние и реальная оценка своей истории.

ДМГ: Нужен особый акцент на миссионерской ответственности общин и братств.

ОГК: И надо не бояться об этом говорить в обществе, в социально-политическом и других контекстах. Это даёт критерий. По-другому разобраться в нашей российской каше невозможно.

ДСГ: Общины и братства могут выглядеть как технология: единство ради единства при потере самого существа этого единства.

ОГК: Основанием для появления подлинных общностей вне церковного контекста является образ Божий в человеке. Люди отталкиваются от дурной корпоративности. Есть примеры трудовых коллективов, которые проникаются очень близкими братским отношениями, а потом, когда расходятся, ностальгируют, потому что прорвались к общению, а потом его потеряли. Говорить об этом можно, хотя не всегда можно прямо начинать разговор о Христе.

СВС: Еще один вопрос — служение личное и служение всего народа Божьего.

ОГК: Есть харизматические служения по личностному дару, а есть служения общие. О. Николай Афанасьев настаивал на том, что в общине пророки могут быть, а могут не быть, а епископы есть всегда. Пророк выше, но его может не быть. У кого-то есть служение, у кого-то нет. Но призваны к нему все. На данный момент процент служащих людей ничтожный. Остальные все призваны, но находятся на пути. На каком пути — другое дело. Кто-то чего-то достиг, но упал, другой не упал, но идет слишком медленно. Это уже жизненные коллизии. Если нет служения, человек находится под властью стихий мира сего. Народ как толпа — это тоже стихия, как и небесные стихии. В этом смысле существует трагедия служения. Личностей не осталось, а народ остался, поэтому вошли в жизнь новые понятия таинства, иерархии и т.д. Это уже спасение не для личностей, а для народа. Личность была потеряна. Народу нужны символы и знаки, потому что личного он ничего не может.

ЮБ: Можно ли говорить о служении движения?

ОГК: Духовное движение конституируется своим служением, своим призванием. Если нет призвания, нет движения. В нормальном случае церковь должна быть движением, но этого нет. Поэтому движение не то же, что церковь. Чем дольше существует братство, тем больше рисков для самого движения. Всё больше людей не служащих, которых в нормальном случае из любого братства удалили бы¹. Но мы перестаём считать членами братства лишь тех, кто чуждым духом разрушает братство или общину. Если же человек откровенно ничего не разрушает, мы оставляем его: боимся вырвать с плевелами пшеницу.

«Дело организации добра в жизни, осуществления высшего завета любви и есть тот крест, который вера и совесть побудили нас принять на себя и нести вслед Христу, чтобы тем послужить на дело Божье, на торжество правды Божьей».

Из отчета Н.Н. Неплюева о жизни Крестовоздвиженского братства

Братская семья во имя свв. апостолов Петра и Павла на крыльце своего дома (Крестовоздвиженское братство)

ЮБ: Но служение движения не тождественно сумме служений его членов.

ОГК: У движения есть своё единое служение. Другое дело, как его каждый лично воплощает. У движения одно и то же призвание, один и тот же дар, но то, как человек его воплощает, всегда имеет неповторимые личностные черты.

В церкви есть личностность и соборность. Это два измерения, которые создают единство. Подлинное служение имеет оба измерения. Соборность предполагает иное качество полноты и совершенства.

Об итогах служения, о плодах служения стоит поговорить отдельно. Если человек так и не дошёл до служения или потерял служение — это трагедия, и такой человек живет по стихиям мира сего. Есть экзистенциальная ситуация, когда человек, как у Достоевского, может спастись и поданной лужковкой. Есть тайна Божьего суда. Ап. Павел говорит: у одних плоды из драгоценных камней, а у других — сено-солома, которая сгорает, а сам человек спасается «как бы из огня». Человек для Бога ценность — Бог его спасёт, но не останет на суеда суеда, которой он был занят на земле. А у других есть ещё золото и серебро — то, что надо перенести в Царство Божье вместе с человеком. Плоды служения очень важны. Есть плоды жизни, которые оценивает Господь Бог.

Человеку трудно сказать ещё здесь, на земле: вот это солома, а это драгоценный камень. Так что плоды служения имеют и некоторое метаисторическое значение.

¹ Так, в Крестовоздвиженском трудовом братстве считали: «Люди... неспособные вдохновиться идеей Братства трудового, не рвущиеся на подвиги самоотвержения, желающие не Братству служить, а чтобы Братство служило на пользу им и их домашним... не заслуживают того, чтобы им в жертву приносилось святое дело. Надо, чтобы они покаяться или ушли от нас и не тормозили далее нормальное развитие дела Братства трудового». (Н.Н. Неплюев. Отчеты благодетеля о жизни Трудового братства. Часть 1. М., МОО «КПЦ «Преображение», 2010. С. 191.) Прим. ред.

Конференция 2011 года посвящена 160-летию со дня рождения Николая Николаевича Неплюева, создателя Крестовоздвиженского православного трудового братства.

Будучи потомственным русским аристократом, Н.Н. Неплюев рассматривал свою жизнь как целостный путь «служения делу любви», в котором соединяется служение Богу и человеку, церкви и обществу. «Дело братства, — считал Неплюев, — только и может быть делом Божиим, и членами братства могут быть только те, которые искренно желают духовно возвышаться до честного служения на дело Божие».

Для докладов и дискуссий на конференции предлагается следующая тематика:

1. Содержание подлинного служения. Его отличие от добродетели и послушания.
2. Творчество и кеносис, личностность и соборность как условия служения Богу и человеку.
3. Смысл общественного служения. Взаимодействие социального и церковного служения.

Заявку на участие в конференции, тему и тезисы выступления просим присылать в Оргкомитет конференции до 25 июля 2011 г. В заявке необходимо указать фамилию, имя и отчество участника, место работы или служения, должность, эл. адрес и телефон.

Сопредседатели оргкомитета: профессор кафедры миссиологии, катехетики и гомилетики и кафедры богословских дисциплин и литургики СФИ, член Межсоборного присутствия Русской православной церкви Давид Мкртичевич Гззян;

директор филиала РГГУ в г. Твери, почетный работник науки и образования Тверской области Владимир Ильич Лавренов

Адрес оргкомитета: Россия, Москва, 105062, ул. Покровка, 29–38
Тел./факс 624-92-50; 623-03-80;
e-mail: sretenye@sfi.ru

25 – 27 мая Свято-Филаретовский православно-христианский институт проводит VI богословско-практическую конференцию

«ТРАДИЦИЯ СВЯТООТЕЧЕСКОЙ КАТЕХИЗАЦИИ: ПРОБЛЕМЫ И КРИТЕРИИ КАЧЕСТВА ОГЛАШЕНИЯ СОВРЕМЕННЫХ «СЛУШАЮЩИХ»»

Конференция продолжает тему прошлого года – возрождение катехизации в русле святоотеческой традиции. В этом году планируется перейти от общих вопросов определения цели катехизации, ее значения, критериев оценки качества и др. к рассмотрению практических проблем, связанных с началом катехизации.

Предполагается подробно обсудить следующие вопросы

- Какова должна быть длительность оглашения «слушающих» сейчас?
- От чего зависит длительность оглашения?
- В чем основное содержание оглашения?

- Каковы главные вехи?
- Чем характеризуется связь со святоотеческой традицией?
- Как оглашение проходит у различных категорий «слушающих» – социальных, образовательных, возрастных и т.п.?
- Как правильно оценить качество катехизации во время первого этапа, готовность катехумена к переходу на второй этап, т.е. оглашение «просвещаемых»?

В этом номере мы продолжаем публиковать интервью по теме конференции.

СРЕДИ ОСТАТКОВ ХРИСТИАНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

— С чего, на Ваш взгляд, нужно начинать катехизацию? Что при этом важно не упустить?

Олег Глаголев, катехизатор (Екатеринбург): Важно, чтобы катехизатор был со всеми в личных отношениях: и с оглашаемыми, и с помощниками, во всяком случае, на пути обретения таких отношений, в постоянном общении. Поэтому катехизацию важно начать с собеседования с каждым, кто на нее пришел. Надо, чтобы люди понимали или поняли на собеседовании, что для человека это добровольный выбор в результате жизненного поиска. Надо увидеть, какие препоны у человека на этом выбранном пути, и помогать ему их преодолевать. Например, если у мамы маленький ребенок и она не может его оставить на время огласительной встречи, надо просить поручителя и помощников решить эту проблему наилучшим образом. Катехизацию нельзя откладывать – это главное дело жизни, это тоже я стараюсь донести до оглашаемых с первых встреч.

— Вряд ли возможно требовать от оглашаемых, чтобы они прочитали всю Библию. А что можно и нужно требовать? Без каких книг Ветхого и Нового завета (и в какой последовательности) невозможно представить катехизацию?

Олег Глаголев: Я из года в год передаю то, чему и как сам был научен, во всяком случае, тот принцип чтения, который мне видится логичным. Во-первых, важно Ветхий и Новый завет читать параллельно. Из Нового завета я предлагаю на первом и почти всем втором этапе читать Синоптические евангелия и только. Надо, чтобы люди узнали Христа, услышали и полюбили Его. В Ветхом – важнейшая часть – пророчество о Христе, но чтобы это пророчество услышать, надо сначала прийти в себя, а потом пройти школу заповедей, узнать Закон и научиться его исполнять. Поэтому начинаем мы оглашение с чтения книг Двух путей или Премудрости: Притчей, Премудрости Соломона, Сираха и других. Оттуда человек узнает простые вещи, что жизнь есть путь, который имеет начало и конец, Путьводителя и т.д. Если он готов этот путь продолжить, то надо знать законы этого пути, чтобы не сбиться. Когда мы начинаем читать книги Закона, тогда человек на своем опыте узнает силу действия заповедей Божьей и наказание, и награду,

и прощение. Это удивительно, но Господь помогает каждому оглашаемому читать и проживать слово Писания, поэтому и возникает жажда всецелого покаяния, отказа от старой жизни, обращения на путь жизни.

Но главная книга оглашаемого, конечно, Евангелие.

— Какова норма участия оглашаемых в богослужении? Что Вы требуете от готовящихся к крещению: как часто (два раза в неделю, раз в неделю, реже)? В каком объеме (полностью всю службу, обязательно на чтении Писания и проповеди, сколько сможет и что сможет)? Изменяется ли эта норма в ходе катехизации и как? Какие части богослужения следует, по-Вашему, акцентировать (или, наоборот, «приглушить») для лучшего вхождения оглашаемых в традицию православного богослужения и молитвы?

Олег Глаголев: Главное богослужение для оглашаемого – это огласительные встречи, ритм еженедельный. А храмовое богослужение – тут я тоже пользуюсь тем опытом, который сам пережил, будучи оглашаемым в 1993-м году, – это литургия оглашаемых. Ритм у всех поначалу разный, тут важно, чтобы человек совершал усилие и готовился к молитве, имел благоговение и серьезность. К концу первого этапа обычный ритм для оглашаемого – раз в неделю. Дальше важнее качество: прийти вовремя и не с пустыми руками, принести пусть небольшое, но пожертвование, внимательно следить за ходом богослужения по книжке, выписать места из Писания, которые будут читаться на службе. Основной акцент – на чтении Слова и проповеди.

— Известно, что «вычитывание» какого бы то ни было правила может и не быть молитвой. Можно ли от оглашаемых требовать личного «правила молитвы»? Если да, то какого?

Олег Глаголев: Если кто имеет опыт «вычитывания», я не отговариваю от этого, прошу лишь обязательно ежедневно добавлять личную молитву своими словами. Мои слова – все же рекомендации или настоятельные рекомендации, а не требования. Я говорю о ритме молитвы – не реже, чем один раз в день, – и выделения для этого хорошего времени дня, когда человек бывает бодр и внимателен.

— Бывает, что человек, приходя в церковь, надевает «униформу» (например, особые платок и юбку), меняет режим питания, а больше НИЧЕГО в жизни не изменяет. Что нужно изменить оглашаемому в первую очередь? Что Вы сами требуете от готовящихся к крещению?

Олег Глаголев: У меня нет особых требований. Главное, чтобы человек не имел смертных и тяжких грехов, освободился от них до крещения. И чтобы он искал жизни со Христом.

— Известно, что в святоотеческой традиции люди, начинавшие оглашение, в течение 2–3 лет назывались «слушающими» а потом переходили в разряд «просвещаемых». Как Вам кажется, что может соответствовать этому в современной практике катехизации?

Олег Глаголев: Я не знаю «современной практики катехизации», кроме одной, поэтому мне трудно судить. Я знаю два способа воцерковления людей. Первый, когда человек приходит, впитывает на каком-то приходе христианские традиции и формы, улучшает (особенно вначале) свою совесть и обретает в своей жизни еще одно измерение – духовное. Возможно, это и есть современные «слушающие», если он и впрямь слушает свое сердце и внимает молитве и слову Писания, тогда Господь обязательно поставит такого человека перед выбором, скажет ему «оставь все и следуй за Мной», согласившись становятся просвещаемыми. Отказавшись покидают разряд слушающих, а чаще всего и предшествующий ему – «ищущих», и переходят в «кающиеся» до самой смерти.

Протоиерей Петр Мангилев, проректор по учебной работе Екатеринбургской семинарии: Применять нормы древности к современной ситуации, наверное, было бы не совсем правильно, потому что современный человек живет в рамках остатков христианской культуры, и какие-то предварительные сведения сообщаются ему самой средой (или до недавнего времени ею сообщались). Человек, прошедший даже советское школьное образование и прочитавший художественные произведения русской литературы, воспитанный в традиционных нравственных устоях, был в какой-то мере подготовлен к тому, чтобы с ним можно было говорить о вере. Пока общество оставалось традиционным, была сформирована некая «система координат», в которой можно было плодотворно вести разговор. Сейчас все резко меняется, и эта система координат разрушается резко и решительно, год от года все быстрее, поэтому опыт, который есть в этой сфере жизни Церкви, должен корректироваться. Понятно, что принципиальные положения, содержание того, что человек должен узнать, сохраняются. Но ведь нужно исходить из того, насколько человек реально подготовлен. В древности ведь тоже было по-разному. Когда апостол Филипп приступил и прилепился к колеснице, в которой ехал евнух, казначей эфиопской царицы, тот читал пророка Исаию (Деян 8:26–39). То есть он был человеком подготовленным, он жил в традиции, готовый к тому, чтобы услышать о Христе. Понятно, что с язычниками нужно было поступать по-другому, то есть их нужно было вводить в ту систему координат, в которую люди, воспитанные в традиции Ветхозаветной Церкви,

уже были введены. И поэтому работа с язычником предполагала более длительный срок. В то же время, если язычник был иудейским прозелитом, то есть ходил в синагогу, слышал Писание, то он был готов услышать скорее и скорее крестился. С кем-то нужно было больше времени, с кем-то меньше. Наше общество все-таки устроено на основании христианской культуры. И здесь тоже, наверное, нужно разное время в зависимости от того, насколько человек сам готовился. Та среда, в которой он вырос и воспитался, семейные устои – они разные, к этому надо применяться.

Сегодня нужно учитывать еще одну вещь. Когда мы пытаемся говорить о вере, мы ориентируемся на человека, получившего полное среднее образование, считая, что за этим образованием стоят некоторые реальные знания в определенном объеме, что человек усвоил какие-то понятия и в этих понятиях способен мыслить, и мы от них отталкиваемся. Но сейчас приходится сталкиваться с тем, что даже человек, получивший диплом о высшем образовании, не осваивает этих культурных понятий. Это иногда способно даже в ступор вводить, потому что неясно, «от чего» говорить, какой язык применять, если человек русского языка не понимает. Просто правильная литературная речь для него оказывается сложной. И это реальность нашей жизни. Я думаю, что наша средняя и даже высшая школа будет выдавать именно этот результат. Этого, может быть, не видно в большом городе, не видно там, где существует та или иная христианская община, сформированная из людей, получивших высшее образование, некий «элитарный клуб», где говорят о вопросах веры в одном ключе и исходя из одной культурной подготовки. Но на самом деле жизнь богаче, и люди разные, и в этом проблема. Церковь-то должна собирать всех, даже тогда, когда мы разделены по культурным сегментам. Это вообще проблема современного общества – разобщенность, неспособность чувствовать единство человеческого рода.

Самое же главное – человек должен ответить для себя на вопрос, зачем он живет и что для него главное в жизни. И как-то о смысле в своей жизни задуматься, смысл искать и находить, осмысливать свою жизнь, вводить её в рамки подлинного смысла.

Другая сторона – методическая – то, с чего мы начали: как

это правильно вести, как это организовать, и тут все культурные, образовательные моменты оказываются важными, потому что мы берем людей с конкретным культурным, социальным опытом, и говорить с ними мы должны именно исходя из того, каков это опыт. Сейчас разделение, замыкание на себе усилились, в том числе и в церковной жизни, причем факторы внешние, которые не были довлеющими, начинают таковыми быть и в церковной жизни тоже. Замыкание – вещь опасная и неправильная, ведь Церковь объемлет всех. Разобщение людей есть свидетельство усугубления греховной жизни в обществе. И стремление к единству, неравнодушие и видение в другом человеке такого же человека как я – оно и является плод преодоления греховного устройства. Стремление двигаться навстречу другому человеку свидетельствует, что не все еще в сердце человека умерло, еще есть там место для Бога.

— Отец Петр, какие трудности чаще всего испытывают новые прихожане, когда учатся общей церковной молитве и жизни? И что Вы как пастырь делаете, чтобы прихожане знали и полюбили молитву и чтение Писания?

О. Петр: Во-первых, человек должен начать хотя бы немного, но регулярно молиться. То есть утреннее и вечернее правило – не обязательно сразу в полном, а в реально исполнимом для человека объеме – но обязательно регулярно, каждый день. И важно, чтобы к молитве, молитвослову добавлялась и молитва о конкретных нуждах и проблемах человека, чтобы он молился о своем и понимал, что он о своем молится. Важно также регулярно читать Священное Писание и что-то святоотеческое. Опять же, этого не должно быть много, но это должно быть регулярно. Читать можно даже не главу в день, а смысловой отрывок, несколько стихов – сколько человеку посылно. Иногда прочитать смысловой отрывок бывает полезнее, чем целую главу, потому что это может ответить на конкретный вопрос и нужды человека в сегодняшний день. Так Господь устраивает, что иногда ответы на конкретные вопросы сегодняшнего дня открываются человеку в этом чтении.

с о. Петром Мангилевым беседовал Олег Глаголев

Адрес оргкомитета конференции:
Москва, 105062, ул. Покровка, д. 29, оф. 38,
Свято-Филаретовский институт
E-mail: info@sfi.ru
Тел. для справок:
+7 (495) 623-03-80, 625-77-86
Председатель оргкомитета
ученый секретарь СФИ
проф. А.М. Копировский

О ЛИЧНОЙ МОЛИТВЕ

На сайтах Свято-Филаретовского института и Преображенского братства неоднократно проводились интернет-конференции, посвященные сложным вопросам общественной и церковной жизни. Сегодня мы знакомим наших читателей с фрагментом одной из них. На вопросы интернет-конференции «"Непрестанно молитесь": как может молиться современный христианин» отвечает свящ. Георгий Кочетков.

— Скажите, пожалуйста, если в личной молитве используются молитвы и песнопения синаксарных служб (Вечерни, Утрени, служб Часослова), то какие, на Ваш взгляд, молитвы и песнопения должны там быть обязательно, а каким место только в церковном собрании?

— Дело в том, что названные Вами службы Вечерни, Утрени и Часослова предполагают хотя бы маленькое собрание: все молитвы составлены во множественном числе. «Мы» обращаемся к Богу. Не «я», а «мы», в отличие от утреннего и вечернего правила, где чаще всего молитвы звучат от лица отдельного человека. Поэтому лучше, чтобы молитвы служб Часослова использовались в собрании хотя бы двух-трех человек, даже если вы совершаете это правило дома или келейно, касается ли это Вечерни, Утрени, Часов, Повечерия, Полуночницы — всё равно. Поэтому все имеющиеся там части можно употреблять в этом именно случае, если есть хотя бы двое-трое собранных во Христе — именно во Христе — людей. Это могут быть и дети, и больные люди — неважно. Хотя, конечно, все эти обстоятельства могут накладывать свою специфику. Так что свободно используйте все эти чины в положенное время, не забывая о смысле каждой службы и каждой ее части.

Может быть, имеет смысл сделать некоторые коррективы, если Вы молитесь в одиночестве. Мне кажется, что можно и одному читать молитвы во множественном числе, хотя это будет некоторой условностью, предположением. Но если человек не хочет этого, то тогда ему лучше использовать вечернее и утреннее правило или выбирать только те части чинопоследований, в которых нет такого яркого диссонанса между молитвой в соборности и личной, индивидуальной молитвой, например, псалмы.

— За людей нецерковных, не покаявшихся перед смертью, не отпетых по церковному чину можно молиться? В монастыре мне сказали, что лучше этого не делать, но я все равно молюсь. И за своих близких, за соседей, за семью своей классной руководительницы (она умерла в одночасье, муж ее утонул).

— Конечно, это дело духовного дерзновения и внутреннего свидетельства сердца. Если есть духовные силы молиться за усопших, которые не являлись христианами, членами церкви, то молитесь. В принципе церковь не запрещает в личной молитве молиться за любого человека, любой веры или неверующего, как бы он ни жил, как бы он ни умер. Молиться личной молитвой можно за любого. Ограничение, как известно, ставится только в случае молитвы церковной, где вступают в силу законы педагогики. Например, внутри церковной молитвы церковь не допускает молитву за самоубийц, так же как за умерших от алкоголизма и за не членов

Отец Серафим, Саровской обители иеромонах и пустынножитель, молящийся в своей келии. Литография 1886 г., мастерская А.В. Морозова

церкви. Это понятно: церковь приносит Богу молитвы и моления за тех, кто близок к Богу, кто является членом церкви. Хотя и в церковной молитве есть древние части, которые могут относиться не только к членам церкви. Например, традиционно церковь приносит молитву за власти, за начальство, за царей, которые часто не были христианами или православными. Это сохранилось даже на литургии верных, скажем, в соответствующей части евхаристического канона — ходатайственной. Поэтому и здесь могут быть свои исключения.

Сейчас принято во многих случаях молиться и за тех, чья церковность под вопросом, за неправославных христиан или за тех, кто жил, не посещая храм, не причащаясь, кто умер без покаяния или погребен без отпевания. Даже за некрещеных людей можно приносить некоторые молитвы. Но в таинствах, когда церковь собирается в молитве воедино, прежде всего в таинстве евхаристии, уместно молиться только за членов церкви. Человеку трудно знать, кто является членом церкви, а кто нет, это определяет суд Божий. В церкви введены более-менее формальные требования. Например, если человек крещен, не был открытым атеистом или открытым смертным грешником, за такого молитва принимается, а за остальных — нет. Но, повторяю, это уже вопросы конкретного смысла той или иной части богослужения. Так что на синаксарных службах, я думаю, можно молиться за всех, а на богослужениях, связанных с таинством, лучше молиться только за членов православной церкви.

— Если не знаешь, как поступить, и задаешь Господу вопрос в молитве, чтобы узнать Его волю, то как услышать, понять Его ответ? Если в процессе выполнения задуманного дела возникает много проблем, означает ли это, что это дело не угодно Господу?

— Вопрос познания воли Божьей всегда непросто. Это требует рассуждения, умения различать духов, от Бога ли они. Знать волю Божью значит знать заповеди Божьи,

признавать все, к чему призывает Господь и в Ветхом, и в Новом завете.

То, что соответствует заповедям Божиим, что совершается в первую очередь ради Христа, то — можно наверняка сказать — соответствует воле Божьей. То, что совершается каким-то иным путем или с иными целями, чаще всего является делом человеческим, которое может быть хорошим, плохим или смешанным, но всегда только человеческим. Молитва в таких случаях нужна только для того, чтобы усилить голос совести, голос сердца и разума в нас самих.

Иногда Господь дает нам знать, благоволит Он к тому или иному делу или нет, но так бывает не всегда, и не все могут эти вещи различать. Поэтому здесь требуется большая духовная чуткость и дар различения духов, так что Вам, может быть, это брать на себя и не надо. Только если Вы ощущаете, что во время молитвы о том или другом Господь даёт какие-то знамения и они негативно настраивают вас к задуманному делу, тогда будьте осторожнее, проверьте себя еще и еще раз. Вот и все. Но лучше всегда еще получить благословение старших, духовно опытных людей, которым Вы вполне доверяете. Свидетельства Вашей совести, свидетельства слова Божьего и свидетельства церкви через старших и опытных людей — всего этого обычно бывает достаточно. Но, повторяю, это всегда тайна. Здесь страшно ошибиться, поэтому внимательность, осторожность требуются в любом случае.

— Что, на Ваш взгляд, означает и с чем связано выражение: «вымолить человека»?

— Вымолить то или иное — это значит стучать до тех пор, пока не отворят. Человек корректирует себя, свои мысли, свои действия в зависимости от молитвы, от того молитвенного духа, который ему в данный момент явлен. Вымолить человека — это значит усердно стучать, просить Бога, приносить сугубые моления, прошения, усиленную молитву. И если чувствуешь, что не было Божьего благоволения на том или ином человеке, а хочется, чтобы Господь простил согрешивше-

го или уклонившегося от Бога, то этого человека нужно действительно вымолить. Наша духовная жертва, молитва и подаяние милостыни разным людям очень помогают в таких случаях. Никогда не надо отчаиваться: Господь всегда милосерд, но Он же не творит зла, поэтому будьте здесь внимательны, не нарушайте Божьи заповеди. Молитесь за всех о Божьей милости и о Божьем прощении, добивайтесь этого любовью своей души, своего сердца.

— В одном из предыдущих вопросов были приведены слова Силуана Афонского: «За людей молиться — кровь проливать». Передки просьбы от братьев и сестер помолиться за родственников, близких. И ты знаешь обстоятельства, проблемы, заботы своего брата, своей сестры и сердцем откликаешься на просьбу о молитве. При этом ты всерьез не готов отдать кровь за этих родственников, но на сочувствие, участие готов. Возможно ли молиться за этих людей, которых ты знаешь только заочно, по рассказу брата, сестры? Или такая «жертва уст» Господу не угодна?

— К сожалению, мы часто делаем что-то половинчато, нецелостно. Когда мы молимся только по сочувствию, но не желаем жертвовать ничем — собою, чем-то своим, — действие этой молитвы может быть разным. Она может быть действенной, а может быть бездейственной. Она может быть в оправдание, а может быть в осуждение. Но это касается любой молитвы и любого действия нашей жизни.

Мы всегда должны стремиться к большему, всегда должны стремиться к целостности. «Молиться — кровь проливать» — это значит полностью сочувствовать, целиком быть гарантом или поручителем за того или иного человека. Для этого мы, конечно, должны иметь большую любовь и расширенное сердце. Укрепляйтесь в любви, расширяйте свое сердце, и ваша молитва будет более действенной. А если этого вам не хватает, не удивляйтесь, если ваша молитва может оказаться всею, впустую. Вашего сочувствия может хватить на то, чтобы помянуть человека или дать ему добрый совет, или сделать и то, и другое. Делайте что можете. Лучше сделать только это, чем не сделать ничего. Но если вы сделаете это, не отдавая всецело себя Богу, то и последствия этой молитвы могут быть различными.

— Как молиться о властях, если в возможности покаяния власть предержащих часто не веришь?

— Мы молимся о властях не потому, что требуем от Бога непременно их покаяния. Да, мы хотели бы, чтобы власть действовала по-божески, справедливо, праведно, по доброму закону. Но, конечно же, мы молимся за власти, потому что верим, что «всякая власть от Бога». Господь дает силу, чтобы использовать её во благо. И мы молимся за власти, чтобы они использовали свою силу и власть во благо, вот и всё. А будут они при этом христианские или нехристианские, будут ли они каяться или не каяться, это уже вопрос второй. Дай Бог, чтобы было и то, и другое. Но даже первого было бы уже достаточно для молитвы о властях, в соответствии с пожеланием апостола Павла о церковной практике.

Информационная служба СФИ
<http://sfi.ru>

НА САЙТЕ GAZETAKIFA.RU ВЫ МОЖЕТЕ НАЙТИ ОСНОВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ НОВЫХ НОМЕРОВ И АРХИВ ГАЗЕТЫ ЗА 8 ЛЕТ

КИФА

ИЗДАНИЕ
ПРЕОБРАЖЕНСКОГО
СОДРУЖЕСТВА МАЛЫХ
ПРАВОСЛАВНЫХ БРАТСТВ

Учредитель: Межрегиональная общественная организация «Культурно-просветительский центр "Преображение"»

Адрес редакции и издателя:
105062, г. Москва,
ул. Покровка, д. 29, стр. 1

Тел./факс: (495) 624-92-50
© МОО «Культурно-просветительский центр "Преображение"».

Все права защищены
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов

Главный редактор:
А.В. Колымагина

Электронный адрес редакции:
kifa@list.ru

Электронная версия газеты:
<http://gazetakifa.ru>

Над номером работали:

Анастасия Наконечная, Александр Копировский, Максим Дементьев, Елена Шевелева, Дмитрий Матвеев, Дмитрий Дорошко, Ирина Кольцова

Газета зарегистрирована Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-38649 от 18 января 2010 г.

Дизайн: Андрей Мареев
Верстка: Татьяна Тыртыш

Отпечатано в типографии «Эльф», г. Москва, ул. Суцеский вал, д. 49
Тираж 1200. Цена свободная.
Выпуск подписан в печать 26 апреля 2011 г.
Время подписания в печать:
по графику — 9.00, фактическое — 9.00
Дата выхода в свет 29 апреля 2011 г.

Нашу газету можно приобрести: в интернет-магазине predanie.org; в Москве: в редакции (в настоящее время находится в помещении СФИ — ул. Покровка, д. 29, оф. 38); в Санкт-Петербурге: в магазине «Слово» (ул. Малая Конюшенная, д. 9).

Подписной индекс в агентстве Роспечать — 19601

Телефоны распространителей

Москва: (495) 314-2596 (Александра Ошарина), (499) 131-4769 (Ольга Филиппова), 8-905-553-6304 (Елена Гольгина), (499) 158-9116 (Валерия Волкова), (495) 342-6306 (Марина Чиркова); Санкт-Петербург: 8-963-316-3981 (Анастасия Наконечная); США, Канада: 1-651-210-4922, oleg@voskres.net (Олег Воскресенский)

Архангельск: 8-921-073-3276 (Надежда Макурина); Воронеж: 8-950-763-50-35 (Александр Терехов); Северодвинск: 8-921-299-7687 (Нина Портнова); Тверь: 8-(4822)-50-2308 (Олег Ермолаев); Тула: 8-(4872)-37-5782 (Марина Писаревская); Электросталь: 8-926-787-43-05 (Ольга Кузнецова)

МОЖЕМ ЛИ МЫ, ОБЫЧНЫЕ ЛЮДИ, СТРЕМИТЬСЯ К СОВЕРШЕНСТВУ

На вопросы отвечает свящ. Георгий Кочетков

— На фоне событий в Африке и особенно в Японии вспоминаются слова из Евангелия о том, что Христос придёт второй раз неожиданно для всех. Можно ли говорить о том, что апокалипсис случится в самое ближайшее время? В Евангелии говорится ещё о кормящих женщинах и их младенцах, что им будет особенно тяжело. Как же быть таким молодым женщинам, как я? Если сейчас планировать детей — не подвергнутся ли они тому риску, о котором читаю в Евангелии?

— Вопросы эсхатологические, касающиеся конца мира, — это всегда трудные вопросы. И размышляя на эти темы, прежде всего мы должны вспомнить фундаментальные положения православной веры. Господь говорит: «Не знаете ни дня, ни часа, когда придёт Сын Человеческий». Он напоминает, что об этом никто не знает — ни ангелы Божьи, ни Сын Человеческий. Только Отец Небесный знает, ибо Он полагает времена и сроки.

Поэтому, с одной стороны, надо всегда беспокоиться о тех вещах, которые касаются конца нашей земной жизни и явления Господа, а с другой стороны, слишком беспокоиться не нужно, скорее, нужно ждать Христа как благодать, как Свет, как отраду, как явление Правды и Любви Божьей. Какие бы ни случались катаклизмы, они лишь напоминают нам о реалиях, существующих всегда, о том, что наша жизнь не может быть безоблачной и бесконечной на земле. Так что надо делать из этого выводы, тем более что то, что происходит в этом мире, всегда связано с нашим духовно-нравственным состоянием. Не будем об этом забывать, но будем надеяться на милость Божью и будем делать всё, чтобы быть верными Христу во всей своей жизни, в делах, словах и помышлениях.

Планируйте свою семью так, как Вы считаете нужным планировать. Но только исходите при этом из Евангелия, из Духа Божьего, из воли Божьей, а не из эгоистических соображений — семейных или личных. Тогда у Вас всё будет нормально. Дело не в том, надо заводить детей или не надо, сколько их будет и т.д. Да, сказано, что будет трудно и кормящим женщинам, и детям. Но это будет катаклизм для всех. Явление Христа — это всегда кризис, это всегда некий поворот и суд для всех людей. Поэтому главное — жить по слову Божьему, по воле Божьей, по правде Его, по вере. Главное, чтобы Христос был близок к нам, к нашей жизни, к нашей совести. Если это будет, то не надо ничего бояться, а надо даже с большой радостью относиться к возможности явления Христа, ожидать этого явления, просить о сокращении сроков, потому что слишком много страданий и бед на земле уже происходит. Нельзя сказать, что во времена последние страданий будет больше, чем есть на самом деле сейчас. Подумайте об этом и помолитесь Господу, чтобы Ваша жизнь была достойна встречи с Ним.

— Я не понимаю: что такое Бог? Молюсь Ему, но потом поступаю по своей интуиции и не знаю — Бог это действует или я сама.

— Прежде всего, подумайте о том, что мы обращаемся к Богу не как к чему-то, а как к Кому-то. Бог не что, а Кто, поэтому Вы и можете иметь живые, реальные отношения с Ним. Откуда же иначе, как Вы думаете, берётся Ваша интуиция? Хорошо, если Вы поступаете по интуиции, ища воли Божьей, ища правды Его, хорошо, если Вы этой интуици-

Мы очень хорошо научились чувствовать своё несовершенство...
Скульптура во дворе Музея свердловской железной дороги

ей хотите утверждать не себя, а путь Божий, любовь Его, веру Божью, жизнь по-божески. Если это так, то Вы поступаете хорошо, по совести. Только помните, что Ваша совесть несовершенна, она может быть больной. Иначе можно было бы всем поступать по совести и больше не нужно было бы вообще ничего, уже было бы Царство Небесное на земле. Но люди стараются поступать по совести, а получается у них почему-то плохо, и не только тогда, когда они сознательно фальшивят: часто они просто не слышат голос совести, не чувствуют пути Божьи, не знают воли Его. Волю Божью надо познавать. Для этого надо иметь чистое сердце, надо алкать и жаждать правды, не бояться искушений, страданий, болезней, не надо вообще ничего бояться. Надо только благоговейно относиться к Богу. Надо иметь страх Божий в сердце своём, надо желать быть с Богом, а не без Него, надо искать церковной жизни — братской, общинной, личностной жизни, т.е. жизни личности в себе, а не той индивидуалистической жизни, которая часто нас поглощает, так же как жизнь разного рода коллективов, всех тех собраний, которые бывают слишком человеческими, но не Божескими. Так что не отвергайтесь своей интуиции, но при этом ищите волю Божью и исполняйте её всегда.

— Наша жизнь не похожа на жизнь Христа, мы живём обычной жизнью — учимся, ходим на работу, воспитываем детей... Означает ли это, что стремиться к совершенству нам как бы и бесполезно — уж слишком велика разница?

— Разница ведь не в том, что мы учимся, ходим на работу и воспитываем детей. Это нормальное дело. Это называется жизнь житейская, мирская. Да, мирской житейской жизнью все мы так или иначе живём. Мы и должны заботиться о близких своих — о детях и о других людях, мы должны учиться, должны работать, мы должны всё это делать. Но разница между нами и Христом не в этом, не в том, что вот Он освободился от этих вещей и ходил по дорогам и учил, а мы делаем что-то другое. Разница прежде всего внутренняя, глубинная, находящаяся в нашем сердце. Разница в том, что мы не верны Богу, что мы глухи, слепы, что мы живём только житейской жизнью,

каждом человеке есть образ Божий. Каждый человек может выявить свою особенность Богу. И людям приличным надо лишь помочь обрести Бога, потому что такие люди — имеющие совесть, имеющие разум, ищущие подлинный путь жизни, прямой путь — легко откликаются на свидетельство о Боге, о христианской жизни. А если не откликаются, это означает, что кто-то их напугал тем, что, став верующими, они чего-то лишатся, что-то потеряют в жизни, или они просто фальшиво праведные люди.

— Прочитал интернет-конференцию «Страх — агония человечества. Пути к победе над страхом» на сайте Преображенского братства. Вопрос-ответ по теме антропологической катастрофы просто замечательны. Теперь и у меня вопрос появился: вот я — простой неверующий в Господа (здесь отличие от понятия Бог, т.е. Создатель, в которого я, как деист, всё же верю) человек, почему же я ничего не боюсь и вовсе не живу в страхе? И, по моим наблюдениям, люди кругом здесь, в США, где я теперь живу, тоже ничего особо не боятся. Так что, может быть, дело не во всеобщей катастрофе, а в теперешнем состоянии России?

— Я думаю, что Вы немного наивно смотрите на жизнь. Я могу себе представить, чего Вы реально боитесь. Мне приходилось бывать в США. Я знаю, чего там боятся люди, причем боятся значительно больше, чем в аналогичных случаях мы. Бывает, что простого «тиккета», простого «трафика», простой чернокожей дамы в полицейской форме часто боятся куда больше, чем у нас. Дело в другом. Американцы привыкли, на мой взгляд, «держат хвост пистолетом», делать вид, что они ничего не боятся. Они действительно довольно раскованы, иногда даже немного развязаны в общении. У нас другая культура, и Вы это должны знать. Она немного по-другому строит взаимоотношения между людьми. У нас тоже есть чего бояться, но как и в Америке, так и у нас можно жить без страха. Я часто вспоминаю апостольские слова о том, что в любви нет страха, но совершенная любовь изгоняет страх, потому что в страхе есть мучение, и кто боящийся несовершен в любви. Так что дело даже не столько в культуре или в социальных обстоятельствах. Они, конечно, имеют какое-то значение, но всё-таки главное происходит из Вашего сердца: есть в этом сердце страх или его нет. Везде есть грехи, везде есть преступления, и всем надо бояться остаться без Бога. Если Вы читали интернет-конференцию о страхе, Вы помните, что там говорилось о благоговении как страхе Божьем. Такой страх — начало Премудрости, как говорится в Писании. И он не позорит человека, это чувство и состояние совсем другого типа. Так что не думайте, что мы здесь живём под большим гнѐтом страха, чем у себя американцы. Повторяю, это зависит от нашей веры, это зависит от нашей жизни, это зависит от нашей любви. Имейте больше любви, и у Вас будет меньше страхов. Это касается и Америки, и России, и всего мира.

— За что наказывает Бог тех язычников, которые никогда не имели возможности узнать о Христе?

— А откуда Вы взяли, что Бог их наказывает, и наказывает больше, чем неязычников, которые знают о Христе, а живут подчас хуже, чем язычники? Я ду-

а высшей жизни в себе не имеем, не имеем той любви, к которой призвал и которую даровал нам Господь. Он предлагает её нам — но мы её не берём, мы делаем вид, что не замечаем протянутой нам руки помощи Божьей. Вот что надо преодолеть, и это нам по силам. Как бы человек ни жил, каково бы ни было его внешнее положение, ему по силам жить по-божески, потому что это и значит жить по-человечески и иметь нужную иерархию ценностей и целей в жизни. Надо уметь жертвовать собой и своим для Бога и ближних. Надо знать, чего хочет Бог от нас лично и от всех тех, кто нас окружает, от нашего общества, от нашего народа, от нашей страны, от всего человечества, в конце концов. Читайте Евангелие, читайте Слово Божье, Новый Завет, Послания апостольские, и Вы обретёте мудрость и будете знать свой путь. И расстояние от Вас до Христа уменьшится.

— Христос говорит, что пришёл не к здоровым, а к больным. Означает ли это, что в мире реально есть те здоровые, которым Он не нужен? Ведь мы знаем замечательных, добрых, порядочных, совестливых атеистов.

— Когда Христос говорит, что Он не к здоровым пришёл, но к больным, в этом есть ирония. Если её «раскрыть», слова Его означают: Он пришёл не к тем, кто сам себя считает здоровым, кто считает, что им Христос не нужен, а к тем, кто считает себя больным, кто ищет Бога, кто ищет правду Божью, кто ищет любовь Его, кто ищет Божий путь и новую жизнь. Речь здесь не об атеистах. Относительно порядочными, относительно приличными могут быть и атеисты, и буддисты, и мусульмане, и иудаисты, и язычники — кто угодно. Любой человек может быть порядочным и ответственным. И дело не в том, кто к чему себя причисляет, потому что можно причислять себя к православным христианам и при этом быть совершенно непорядочным и безответственным, вести себя подло, быть предателем, лжецом, прелюбодеем и т.д. Кто спорит: когда человек себя осознаёт православным христианином, это для него всегда лучше. Всегда лучше, чтобы человек не терял веры. Это не просто помощь для него, это его большая сила, большое преимущество. Но в

Можем ли мы, обычные люди, стремиться к совершенству

Окончание. Начало на с. 1

маю, что нужно всё-таки помнить слова Писания о том, что кому больше дано, с того больше спрашивается. Поэтому если нам больше дано как верующим, как христианам, спрос с нас больше. Я думаю, что нас Бог наказывает больше. Наша страна находится до сих пор ещё в состоянии нераскаянном и не оправданном Божьей благодатью. Да, у нас есть святые, они всегда были, и слава Богу. Но народ в целом пока назвать освобождённым от проказы советского времени, от этой чумы, от её последствий, нельзя. Поэтому в нашей жизни так много вранья, так много разврата, так много корысти, жестокости. Вся наша коррупция, преступность, вся наша оторванность от каких-то естественных норм человеческого общежития и личной жизни — всё это как раз говорит о том, что мы пока ещё не получили прощения от Бога за наши бесчисленные грехи перед своей страной, перед своим народом, перед всем человечеством, которые были совершены в нашей стране прежде всего в XX веке, так как это было самое страшное время нашей истории. Так что я не могу согласиться с Вами, что язычников Бог наказывает каким-то особым образом.

Не думайте, что японцы (если Вы их имеете в виду) — такие уж язычники. Не забывайте, что сейчас Япония — страна в большей степени христианская, чем языческая. Но об этом почему-то нигде не говорят. Говорят о том, как хорошо себя японцы ведут, как они мужественно переносят все страдания, болезни и разрушения, но не говорят о том, что в Японии центральные силы нации связаны как раз с обращением ко Христу. Там, конечно, не только православные, православных там немного — всего лишь несколько десятков тысяч японцев и приезжие верующие люди, — но есть ещё много католиков и протестантов. Сегодня они играют, безусловно, решающую роль в духовной жизни своей страны. Если Вы их считаете христианами, то посчитайте, какой огромный процент христиан в Японии, как и в Южной Корее. Это уже почти что христианские страны. Так что я не вполне согласен с Вашим основным тезисом и считаю, что нам надо прежде всего посмотреть на себя, на то, что мы пока ещё находимся под дамокловым мечом, пока ещё не оправданы, не очищены, что мы пока ещё наказуемы за грехи свои и отцов наших. Давайте же освободимся от этого морока, от последствий страшного советского времени, от наших собственных грехов, почувствуем свою ответственность за грехи отцов. И тогда мы увидим расцвет нашей страны, нашего народа. Пусть это будет другая страна, другой народ, но это будет то, что преемственно по отношению к лучшему нашему прошлому.

— *Выставка Исаака Левитана, завершившая свою работу 21 марта в Третьяковской галерее, побил рекорд посещаемости. И это был не всплеск ажиотажа: от многих людей приходилось слышать отзывы, полные искренней радости и благодарности. В эпоху «смерти искусства» — чем можно объяснить такой интерес к выставке художника, чьи картины известны с детства и должны казаться приевшимся «молоком»? Что люди искали? Почему сегодня, когда уже все — и жизнь, и искусство — другое, когда в интернете можно найти любую картину, Левитан по-прежнему «цепляет»?*

— Именно «смертью искусства» и можно объяснить. Ведь если современность осталась без искусства, то отношение к нему, естественно, становится резко-ностальгическим. «Имея, не ценим, потерявши — плачем».

С другой стороны, многих привлекала кажущаяся понятность пейзажей Левитана. Еще бы — старшее поколение помнит учебники для 4 класса «Родная речь» с его «Золотой осенью» на обложке, почти символом России. А «Владимирка», а «Вечерний звон» ... Все как на ладони, все объяснимо легко и сразу. А что произведение искусства при этом воспринимается не более чем своего рода иллюстрацией, воплощением замысла художника, т.е. работой ремесленника, но не творца — мало кого волнует. Народ же доволен ...

ИЛЛЮЗИЯ ПОНЯТНОСТИ

Интервью с профессором А.М. Копировским
о прошедшей юбилейной выставке работ Исаака Левитана

шних характеристик творчества Левитана — правильных, но уже ставших банальностями. И неполных. Это снимает вопросы. А важно было бы, прежде всего, снять стереотип: что искусство призвано успокаивать, возвеличивать, объяснять, поддерживать, т.е. выполнять чисто компенсаторную функцию.

Поэтому то, что выставку такого рода посещает огромное количество людей, говорит, скорее, о болезни общества, а не о выросшем спросе на художественность. В конце концов, картины Левитана есть в большом количестве в постоянной экспозиции Третьяковки и Русского музея, но эти залы почти всегда полупусты.

При советской власти очереди стояли на авангард. Сейчас авангард никого особо не волнует. И абсолютно невозможно представить себе пятичасовые очереди на каких-нибудь художников-графиков — точно так же, как лет тридцать назад невозможно было представить сегодняшние очереди на Левитана (правда, в последние дни выставки). Это значит, что мы действительно живем уже в другой стране. Видно стремление уйти от действительности во всех ее аспектах, в том числе выраженных в современном искусстве. Потому что оно не оставляет человека спокойным. Даже авангард, который стал уже почти классикой, чуть ли не архаикой, тот же «Чёрный квадрат» Малевича —

тах появились храмы (вспомните «Вечерний звон» или «Тихую обитель», на которые с большим восторгом шла публика), то в отзывах его современников на них не случайно фигурировало слово «сладкий». Но ведь живопись — не кондитерский магазин, здесь ценны другие категории.

Не забудем и о том, что подписи под картинами, авторские названия часто не констатирующие, а уже объясняющие, настраивающие определенным образом. Не «Осень», а «Золотая осень», не «Дорога», а «Владимирка», не «Монастырь», а «Тихая обитель» ... Что-то вроде поддыгивания себе на гитаре, когда поешь. Настоящие стихи в этом не нуждаются, они сами — музыка. Но, конечно, вещи у Левитана разные, есть о чем поговорить.

— *О.А. Седакова говорила: «...поленовский “Московский дворик” для меня несопоставимо более религиозное произведение, чем гротескные уродства Э. Неизвестного на “духовные” темы (не говорю уж о таких вещах, как изделия И. Глазунова)». Саврасов и Поленов были любимыми учителями Левитана и, наоборот, их всех объединяет общее «неявно религиозное» измерение искусства. В то же время на последней выставке был совсем, казалось бы, «не левитановский» офорт из израильского музея — мистического характера картина под названием «На пути к Сиону». Рассказывают и*

Можно с ней не согласиться, но игнорировать такие слова нельзя.

Что же касается работы «На пути к Сиону» — она не программная, и преувеличивать ее значение не стоит. Она вообще о пути, причем пути не слишком вдохновляющем, не слишком одухотворенном, цель которого не ясна (и здесь слишком «говорящее» название!). Фигуры сливаются с природой, становятся частью ее. Художественная задача решена очень впечатляюще, а о духовном здесь не много можно сказать. Как и вообще об этой стороне жизни самого художника. Невозможно говорить о религиозности Левитана в категориях «тайный иудей, тайный христианин, агностик, атеист». Эти слова не отражают реальности. То, что видно в его живописи, не может выражаться в таких терминах. Известно лишь, как он тосковал, что видит бога (именно так, с малой буквы!) во всем и не может это выразить¹. Но отношение к миру как чему-то до конца не познаваемому, загадочному, великому (вспомните хотя бы «Над вечным покоем»), некоей таинственной материи — да, это у него есть.

— *Жизнь Левитана была очень непростой — долгая бедность, тяжелые болезни, неровность характера, запутанные отношения с окружающими людьми и с собой (и с ветхозаветной, и с христианской точки зрения его трудно назвать праведником), тяжелое положение представителя гонимой нации, ранняя смерть. А в его картинах такая гармония и мир, такая любовь к России, такая подлинность и простота. Как это возможно объяснить?*

— Никак. Разве такое объясняется? Можно сопоставить одно с другим и сказать — «благодаря», а можно сказать — «вопреки». Но полностью выводить одно из другого вряд ли нужно. В творчестве всегда есть тайна, которая до конца ничем внешним не определяется. Во многих работах Левитана она ощущима, и это, конечно, дар Божий, а не просто выдающиеся природные или приобретенные способности. И вспоминая действительно нелегкую, даже трагическую жизнь замечательного художника (впрочем, ему многие помогали), тем более можно благодарить Бога за сам этот дар.

Озеро. Русь. 1899. Последняя и не вполне законченная картина И. Левитана

Успех выставки был предопределен самой современной ситуацией, в которой хорошо то, что понятно и приятно, но нет желания ставить и решать серьезные проблемы. Есть желание как раз обратного: удовлетворения, успокоения, снятия стресса, поскольку современный мир и жизнь в нем кажутся уж очень тяжелыми.

Если посетителям помогут, и там, у картин, скажут что-то иное, тогда может начаться какой-то серьезный внутренний процесс, переход от душевного к духовному. Но говорят ли? В основном, повторяется набор вне-

он берет современного человека, он ему бросает какой-то вызов. А в Левитане, как кажется, по сравнению с этим — никаких проблем.

Но это не так. У Левитана есть проблемы творчества, есть и личные духовные проблемы. Например, у него просто трагически не получались автопортреты, они вообще никакие, личности там нет. Его пейзаж не случайно такой «бесчеловечный». В первой картине Левитана, которую купил П.М. Третьяков, женскую фигуру написал другой художник, Николай Чехов, — и пейзаж ожил. А когда в его рабо-

то, что на его теле после смерти нашли крест. Под тишиной и прозрачностью его картин есть и такая глубина, почти неизвестная?

— Да, «Дворик» очень хорош. И в смысле «неявной религиозности» — конечно, ее в нем больше, чем во многих произведениях на церковные или околоцерковные темы (а в некоторых из них вообще никакой нет). Но все-таки христианский быт, даже самый умирительный, — это еще не христианство. Когда-то на эту тему радикально высказалась преподобномученица м. Мария (Скобцова): «Христианство — или огонь, или его нет совсем».

¹ «...это мое прозрение для меня источник глубоких страданий. Может ли быть что трагичнее, как чувствовать бесконечную красоту окружающего, подмечать сокровенную тайну, видеть бога во всем и не уметь, сознавая свое бессилие, выразить эти большие ощущения...» Из письма А.П. Чехову. 1887 г.